

СЕРГЕЙ АСАНОВ

ОН
ЭКСТРАНС

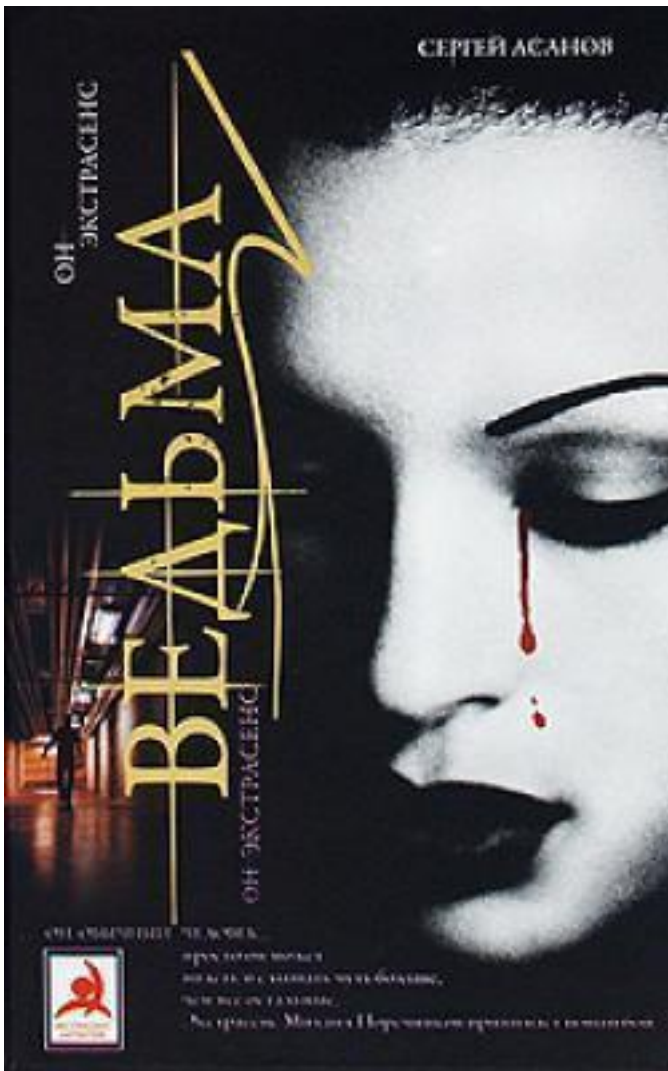
БЕЛМА

ОН
ЭКСТРАНС

ОН ЭКСТРАНС

«Белма» — это фильм о том, как
люди живут, борются, умирают,
любят и страдают.
На экраны Министра Здоровья Республики Казахстан

Экстрасенс

Сергей Асанов

Ведьма

«АСТ»

2009

Асанов С.

Ведьма / С. Асанов — «АСТ», 2009 — (Экстрасенс)

Михаил Поречников становится телезвездой! Экстрасенс решает попробовать силы в знаменитом телевизионном шоу «Ясновидящий», цель которого – доказать существование людей с паранормальными способностями и выбрать сильнейшего. Поречникову ничего не стоит убедить организаторов программы в своей неординарности и покорить телезрителей нечеловеческим обаянием. Однако шоу, представлявшееся Михаилу легкой игрушкой, превращается в настоящий триллер, когда один из участников начинает убивать... И Поречникову приходится вступить в битву экстрасенсов не только на экране, но и в жизни...

© Асанов С., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Из дневника Екатерины Соболевой	5
1. Звонок	6
2. Кастинг	8
3. Честолюбие	15
4. О вреде хорошего звука	19
5. Рустам Имранович	21
6. Разминка	24
Из дневника Екатерины Соболевой	27
7. Рыба	28
8. Коридор	30
9. Игра	32
10. К черту сантименты!	38
11. Вечер Трудного Дня	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Асанов

Ведьма

Из дневника Екатерины Соболевой

20 июня 2008 года

Привет, дневничок-старичок! Извини, что до сих пор обращаюсь к тебе как маленькая девочка. Пока не могу отвыкнуть. Сегодня мне исполнилось шестнадцать, прикинь! Ну, ты же в курсе должен быть, правда? Я слушаю твои поздравления... О, спасибо, дорогой, я знала, что только ты и есть мой единственный и настоящий друг! Я знаю, что, наверное, все девочки в мире в шестнадцать лет пишут в своих дневниках, что мама и папа их не понимают, что милого друга нет и не будет, но, знаешь, это ведь действительно так. У меня по крайней мере. Сколько себя помню, меня предки ограничивали во всем: возвращаться домой в девять, хотя подружки-одноклассницы тусовались во дворе до одиннадцати; подарки я всегда получала скромные, не дороже тысячи, и мне всегда говорили, чтобы я вела себя скромно и не забывала, как эти деньги зарабатываются. Забудешь тут, как же! Мама все время жалуется, что денег нет и не будет, потому что папа никак не может поговорить с начальством... Прикинь, вчера я подслушала их разговор на кухне, это просто кошмар! Папа ничего не может ей ответить, она просто его носом по батарее возит... Я знаю, что он добрый и мухи не обидит, что он никогда не станет воровать, подлизываться или подличать – но неужели это такое уж преступление?! Разве это плохо? Почему когда человек кусается и толкается локтями, его называют мужиком, добытчиком или бог знает кем еще – короче, суперменом, а когда человек порядочный, честный, добрый – его обязательно обзовут тряпкой? В каком мире мы живем, дневничок?.. Сегодня мне подарили гитару с роскошными акустическими струнами. Точнее, не сегодня, а седьмого марта, и тогда мама сказала, что пусть это будет мне подарком на день рождения. Ты понял, да, дневничок?! Е-мое три раза! На Восьмое марта и на день рождения! Можно было еще и ко Дню защиты детей привязать, и к Новому году. Плакать хочется. Убежать куда-нибудь хочется, уехать, улететь, уплыть... Вот если бы мне еще прекрасного принца на дороге встретить – он бы мне помог, он бы меня поддержал, но наши местные пацаны, ты сам знаешь, на принцев не тянут. Дураки они и выпендрезники... Эх, дневничок... спать пойду. Пока, до завтра! Целую (извини, целовать больше некого). Пока-пока.

☺☺☺

1. Звонки

Две недели без телевидения! Всего несчастных четырнадцать дней без запахов съемочного павильона, без судорожных перекуров на лестнице, литров кофе и чая в аппаратной, без утренних летучек у Соколовского («Да продлит Аллах его годы!» – говоришь с подобострастием в присутствии свидетелей), на которых ты чувствуешь себя и гением телевидения, и многообещающим перспективным юношей, и безнадежным говнюком одновременно. Четырнадцать дней без нудного замера рейтингов, долей, процентов, без констатации провалов и успехов, без истерик и соплей по поводу бегства гегемонов на «Танцы со звездами» и энтэвэшную мертвечину. В конце концов, четырнадцать дней без вонючего города, который начинаешь любить только после столбика с табличкой «200 км»! О, счастливые четырнадцать дней, будьте вы прокляты за свою редкость и мимолетность!..

Впрочем, можно посмотреть на это с другой стороны: за два года выходит двадцать восемь дней, за три года – сорок два, за пять – уже семьдесят, а если суммировать время отпуска за десять лет, то получается и вовсе неприличная цифра, за которую Соколовский имеет полное право распять тебя на микрофонной стойке в павильоне. Сто сорок дней, или четыре с половиной месяца! Практически пенсия! Проблема только в том, что за десять лет такой жизни можно если и не сдохнуть, то запустить необратимые процессы в своем воспаленном мозгу.

Евгений Ксенофонов работал в телекомпании «Неон-ТВ» всего пять лет. Из них только последние полтора года выполнял обязанности режиссера, и, в свою очередь, ровно год из этих полутора он занимался проектом «Ясновидящий». В мониторах перед его глазами и в личном общении пронеслось около трех тысяч гоблинов, считавших себя экстрасенсами, ясновидящими, колдунами, лекарями, хирургами, английскими шпионами, умеющими разговаривать с камнями, и прочими незаурядными личностями, существующими в природе в единственном экземпляре. Из них для шоу отбирались только десять человек, и вот эти десять уже всерьез боролись за главный приз, распутывая подброшенные жизнью и продюсерами задания. На самом деле лишь единицы из всех этих красавцев действительно что-то умели, но Женя не верил даже тем, кто вышел в финальную десятку. Он не сомневался, что во время работы над проектом кто-то из съемочной группы сливал участникам информацию.

Однажды он попытался поговорить об этом с продюсером реалити-шоу Маришкой Садовской. Та его внимательно выслушала, чиркнула зажигалкой (дело было во время перекура во внутреннем дворике здания телекомпании, похожего на Пентагон) и глубокомысленно изрекла:

– Без слива в нашем деле ничего не получится.

– В смысле?

Маришка сделала томную затяжку. Она курила длинные ментоловые сигареты, сама была длинная и худая, как топ-модель, и каштановые волосы у нее тоже едва не доходили до попы... И над ответом она могла размышлять так долго, что ты забывал суть вопроса.

– Я допускаю, что кто-то сливает экстрасенсам задания, – наконец выдохнула эта полусонная фурия, – и если я его поймаю, лишу яиц на х..., а потом дам премию! Понимаешь, в чем штука...

Она снова затянулась. В такие минуты Женя готов был ее убить. Он уже решил, что обязательно сделает это, когда они в следующий раз сольются в экстазе в ее роскошной спальне. Он придет к ней, как обычно, под вечер, уставший, замученный, с флаконом «Мадам Клико» и коробкой «Ферреро Роше»... и опустит бутылку ей на голову!

– Короче, стукачи нам на пользу, – закончила свою мысль Маришка. – Они корректируют драматургию. Если бы мы полагались только на Господа Бога, наше шоу не получало бы таких цифр от «Гэллапа».

– Да в жопу твоего «Гэллапа» с его цифрами! – горячился Евгений. – Я их и так видеть не могу, да еще и думаешь, что они наверняка мошенники... Короче, это уже перебор.

Маришка в ответ лишь молча послала ему губами воздушный поцелуй, и Женя понял, что ничего путного от продюсеров не добьется. Действительно, пошли они все к черту со своими заморочками. Он просто будет делать свое дело и ждать короткого летнего отпуска.

О, эти четырнадцать дней, проведенных без Маришкиной ласки! Чертовы четырнадцать дней! После каждой своей отлучки из вонючего мегаполиса Женя давал себе клятву, что ни за что не вернется в телекомпанию и никогда не позволит этой ненасытной разведенной девахе прикоснуться к своей заднице. Безумная гонка, интриги, слухи, стукачи, нескончаемая драка за цифры от «Гэллапа» и домогательства Садовской по вечерам – на это он тратит лучшие годы своей жизни?!

Кхм, вообще-то... когда она затаскивает его к себе в спальню, он пропадает. Он теряется, не может найти не только свои носки, но и себя самого и уже не помнит, чего хотел, кого любил, кого ненавидел и почему хотел сбежать. Кажется, Маришка сама могла бы участвовать в шоу «Ясновидящий», но ей всегда больше нравилось быть кукловодом, чем марионеткой.

* * *

В этом году Женя выгреб свои четырнадцать счастливых и проклятых дней в августе. Пятнадцатого числа должен начаться кастинг нового, третьего по счету, сезона реалити-шоу «Ясновидящий», и главреж должен быть на месте – рядом с Маришкой Садовской. Он будет вдыхать ее ароматы и слушать очередного фрика, уверенного в своем неземном происхождении.

Утром двенадцатого августа в его квартире раздался телефонный звонок. Он только что принял душ, ходил по гостиной в одних трусах и с полотенцем на плече. Он долго не мог понять, где валяется трубка, а когда нашел, готов был порвать звонившего в ключья.

– Алло!

– Здравствуйте, – поприветствовал его низкий женский голос. – Евгений Ксенофонов, если не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. – Женя бросил полотенце в кресло. – Кто говорит и чем могу?

– Меня зовут Людмила. Фамилия вам ничего не скажет. Пока не скажет...

– Ну, слушаю вас, Людмила.

Возникла небольшая пауза. Евгений уже хотел возмутиться, когда дама продолжила:

– Я знаю, как вам помочь.

– Чего? Кому помочь? Зачем?

– Вам. У вас неизбежно возникнут проблемы.

Евгений фыркнул.

– Какие еще проблемы? Зачем вы звоните? Вы кто вообще?

– Я – ваша единственная надежда.

Женщина глубоко вздохнула...

...а у Евгения закружилась голова. Веки его сомкнулись, левая рука ослабла, и он грохнулся в кресло как подкошенный. Телефонная трубка по-прежнему была зажата в его ладони возле уха. Голос Людмилы он слышал словно сквозь стену:

– Евгений, вы куда пропали?..

2. Кастинг

- Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.
- Добрый день. Михаил... кхм... Михаил Поречников.
- Как, простите?!
- Ми-ха-ил По-реч-ни-ков! Не родственник и даже не однофамилец. Духов в сортире не мочил, агентом национальной безопасности не служил, в других реалити-шоу не участвовал. Я не нарочно, просто совпало... Еще есть вопросы на эту тему?
- Нет, спасибо... Можно продолжать.
- Хорошо, извините... Кхм, в общем, Михаил Поречников, двадцать пять лет. Преподаю историю в педагогическом университете. Не женат, детей не имею, спортом не увлекаюсь.
- Все понятно. Итак, Михаил, что вы...
- Все.
- Что, простите?
- Я умею все.
- В смысле?
- В прямом смысле. Читайте по губам: я-умею-все.
- Ну... давайте тогда от слов перейдем к делу. Попробуем что-нибудь показать?
- Ну давайте. Что вы хотите?

Они сидели в очень маленькой комнате без окон, обтянутой черной материей. Из мебели – стол с двумя стульями, из освещения – мощная лампа над столом и два прожектора под самым потолком. По одну сторону стола – молодая девушка, ассистент режиссера, за ее спиной – телекамера. По другую – претендент.

Это кастинг реалити-шоу «Ясновидящий».

Девушка положила на стол три конверта из плотной бумаги. В одном из них по условиям конкурса пряталась фотография известной артистки эстрады. Михаил размышлял не больше десяти секунд. Он указал на конверт, в котором действительно лежала фотография. В качестве «известной звезды эстрады» фигурировала какая-то девочка не то с «Фабрики звезд», не то из «Минуты славы».

- Кто это? – спросил Миша.
- Вы не знаете?
- Нет.
- Ничего страшного. Идем дальше?

Девушка-экзаменатор выложила на стол брелок с двумя ключиками – от машины и, очевидно, от гаража.

– Вы можете сказать, кому принадлежат эти ключи? Что это за человек? Каковы его привычки, склонности?

Михаил уставился на ключи, склонив голову вбок, как собака. Затем приложил пальцы к левому виску, начал плавные круговые движения. Задание было чуть-чуть посложнее, чем с фотографией, но он и не таких быков в банку загонял. После жуткой истории с видеокамерой журналиста Виктора Вавилова¹ ему вообще казалось, что в карьере экстрасенса он уже миновал стадию цирковой обезьянки, но девчонка, что сидела сейчас перед ним, упорно навязывала ему эту роль. Впрочем, ей простительно: за минувшие полгода она пропустила через себя пару тысяч «обезьянок». Впору сойти с ума.

- Итак, Михаил?

---

¹ Об этом рассказывается в книге С. Асанова «Экстра – Давайте. сенс».

– Ну, что я могу сказать, – начал тот неуверенно, как будто процесс «сканирования» все еще продолжался. На самом деле он уже получил всю необходимую информацию и размышлял теперь совсем о другом: стоит ли озвучивать все, что он увидел?

– Все, что можете, – великодушно подбодрила девушка.

– Уверены, что хотите это слышать?

– Почему бы и нет? Это вы пробуетесь на шоу, а не я.

– Ну, как хотите. – Миша взял ключи в правую руку. – Это женщина. Хозяйка ключей живет одна. И спит одна, к ее великому сожалению. Лет ей примерно двадцать пять, может, чуть больше, но в любом случае до тридцати. Машина новая, приобретена в кредит, выплачивать который с каждым месяцем все сложнее. Характер сложностей точно не вижу, но это не из-за зарплаты. Заработная плата у девушки как раз таки сохраняется на прежнем уровне и даже немного подросла за последние... последние пять-шесть месяцев, так скажем. Видимо, проблема в том, что появились неожиданные траты, которые хозяйку ключей очень расстраивают. Деньги уходят не туда, куда ей хотелось бы их направить... Мне продолжать?

– Кхм... попробуйте. – Девушка отодвинулась от стола и спряталась в тень. Михаил теперь не мог видеть выражение ее лица.

– Я не буду пробовать, я буду рассказывать, а вы меня остановите, когда сочтете нужным. Итак, как я уже говорил, девушка живет одна. Она была замужем. Муж... – Миша сделал паузу, чтобы изобразить хоть какое-то усилие и не вызвать подозрений в шарлатанстве. – Так, мужа нет в живых, но не могу сказать, что он умер, со стоя в браке. Они развелись из-за его проблем с алкоголем, а чуть позже он скончался... или погиб. В любом случае причина смерти заключается в его пагубном пристрастии. В конце концов, он мог просто замерзнуть где-нибудь после посещения ресторана, не суть важно... Так, идем далее... У девушки очень большие амбиции, но для их реализации чего-то постоянно не хватает. Скорее всего дело в ее нерешительности и в неверии в собственные силы. Зарплату ей, конечно, поднимают, но, как говорится, на одну зарплату не проживешь, нужно еще получать моральное удовлетворение. А вот с удовлетворением у хозяйки ключей как раз не очень-то получается... Но могу точно сказать, что рано или поздно все наладится.

– Вы думаете?

– Да. И это я говорю не как ясновидящий. Нужно уметь ждать... И еще ей не стоит обвинять в своих неудачах окружающих – ни коллег, ни родных, ни друзей с подругами. Во-первых, это неразумно, а во-вторых, отнимает много сил и отвлекает от сути. Словом, все очень сложно с этой девушкой... женщиной, я бы сказал. Достаточно?

– Вы не сказали главного, – произнесла экзаменаторша. Она по-прежнему пряталась в тени.

– Разве? Что же это?

– Марка машины.

Михаил улыбнулся. Он убедился в правильности своих выводов и понял, что перед ним сидел человек, привыкший обижаться на зеркало.

– С машиной все просто, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Это что-то вроде «матиза», но не так банально. Думаю, «витз» или «спарк»... мм... нежно-голубого цвета. Еще есть вопросы?

– Нет, спасибо. Вам позвонят.

– Не стоит благодарностей. Всего доброго.

– До свидания.

Когда Михаил вышел из комнаты, задернув за собой портьеру, девушка шустро смела ключи со стола.

– Эй, вы! – крикнула она в сторону. – Все, что он сказал, вранье! Понятно вам? Все, кроме марки машины!

– Да мы уже поняли! – рассмеялся кто-то у нее за спиной.

Михаил вышел из здания телекомпании «Неон-ТВ» разочарованным. Возможно, он погорячился, принимая решение участвовать в шоу. Скорее всего дело ограничится бегом по манежу и серьезной работы ему здесь не видать. Ну, может, поймает пару насильников... А дальше что?

Он был уверен на сто процентов, что ему позвонят, и он уже решил, что отклонит предложение.

Муж двадцативосьмилетней Ирины Королевой действительно отдал богу душу, и все было почти так, как и рассказал этот чертов экстрасенс-даже-не-однофамилец! Он закладывал за воротник регулярно, едва появлялись лишние деньги, а лишними он считал все, что удавалось утаить от домашней жандармерии. Кто-то тратит такие деньги на голубей, кто-то на женщин, а этот почти бесполезный для общества субъект предпочитал уничтожать свою печень. В чем и преуспел. В конце концов она подала на развод, а он не стал возражать. После того как неудавшийся свободный художник, самым высоким достижением которого было оформление рекламы городской сети супермаркетов, наконец покинул ее квартиру, доставшуюся в наследство от бабушки, она его больше и не видела. Спустя два года она узнала, что он уснул пьяный с сигаретой в зубах и спалил свой садовый домик вместе с собой и собутыльником. На пожарище обнаружили лишь его неведомо как уцелевшие ботинки сорок второго размера и граненый стакан. Ни надгробной плиты, ни эпитафии, ни булочек с блинчиками на поминках – суровый финал забытого обществом российского алкоголика.

Она немного поплакала, как и подобает типичной русской женщине, готовой жалеть всякую зверушку, а потом подумала, что совесть ее все-таки чиста, ибо она сделала все, что могла. Надо было продолжать жить, и жить по возможности хорошо и даже припеваючи. Ведь она молода и симпатична!

В телекомпании заметили ее рвение, подкинули новую работу – она стала ассистентом режиссера на проекте «Ясновидящий». Вот уже третий сезон она работала с участниками реалити-шоу: выслушивала ругань вечно недовольных продюсеров, в частности этой суки-нимфоманки Маришки Садовской, гоняла гримеров, костюмеров, осветителей... попивала коньячок с режиссером после тяжелого дня. Купила машину – это действительно был голубой «спарк», – обставила квартиру, стала приглядываться к неженатым мужчинам. Словом, жизнь как-то стала налаживаться, и Ирина уже подзабыла, с чего все начиналось (а начиналось все, увы, с дешевых колготок, хот-догов и зубрежки в самой маленькой комнате бабушкиной квартиры – точнее, в кладовке, замаскированной под комнату).

И вот вдруг какая-то чушь...

Но об этом не хочется думать. Да и некогда – надо работать.

Ирина перекурила, выпила кофе, потрепалась с операторами. Потом вернулась в маленькую черную комнату.

– Сколько у нас еще народу? – спросила она в темноту.

– Человек тридцать, – донеслось сверху.

– Господи, дай мне сил...

– Не дам.

– Да пошел ты...

Прошел час. Пошел второй. Лица, руки, голоса, уверения, требования, мольбы, обещания... и даже угрозы. Ирина думала, что этот сезон будет у нее последним, потому что она больше не выдержит. Каждый из претендентов на место в шоу пытался что-то с ней проделать – снять головную боль или венец безбрачия, заговорить от несчастий, наколдовать на богатую жизнь – и каждый уверял, что ему мешают предыдущие посетители черной комнаты. Они,

дескать, оставили здесь много своих следов, стерли всю информацию, поэтому ничего нельзя сделать. Только трое из двадцати с лишним человек сумели найти фотографию в одном из трех конвертов, и только пятеро сумели рассказать хоть часть правды о владельцах предложенных предметов (свой собственный брелок с ключами Ирина на стол больше не выкладывала).

Когда в коридоре осталась только одна женщина, группа кастинга была уже на последнем издыхании.

Ирина посмотрела на часы:

– Ребят, уже три минуты пятого! Может, ее отправить к чертовой матери и сказать, что она не успела?

– Да прими уже, не ленись. Может, Садовская премию выпишет.

– Ага, держи карман шире! – Ирина вышла из-за стола, покрутила головой, разминая затекшую шею, потрясла руками, немного поприседала, подтянув джинсы на коленях.

– Старость не радость... Ладно, блин, зовите эту последнюю. И все – избушка на клюшку!

– Уже закрыли.

– Все, поехали...

В комнату, медленно и с аристократическим изяществом отогнув полог, вошла дама. Вместе с ней вошло Нечто... Ирина сразу не сообразила, что это, но она почувствовала это Нечто даже не обонянием – поджилками.

«Господи, надо было закончить кастинг десять минут назад!» – подумала Ирина и попыталась улыбнуться. Вышло не очень.

На вид вошедшей даме, одетой в элегантное черное платье до колен, было лет сорок – сорок пять, но, похоже, возраст вообще не являлся для нее сколько-нибудь определяющим фактором. Очевидно, что и в пятьдесят – шестьдесят она будет выглядеть точно так же. Лицо ее было свежо и приветливо, как у прибежавшей с мороза Снегурочки, в глазах прыгали озорные чертики, губы словно готовы были растянуться в благодушной улыбке, но ни у кого, кто видел сейчас эту даму живьем или в мониторах за стенами каморки, не возникло сомнений, что в комнату вошла абсолютная и безоговорочная победительница очередного сезона реалити-шоу «Ясновидящий»... который еще даже не начался!

Не дождавшись приглашения, дама присела за стол, положила на край перчатки, размяла холеные пальчики и с ожиданием уставилась на экзаменаторшу.

– Здравствуйте, – выдавила Ирина, пытаясь собраться.

У нее внутри все тряслось, как заливная рыба в руках неопытного официанта. Это были в целом знакомые ей ощущения, поскольку процентов двадцать людей, которых она пропустила за три кастинга, все-таки обладали неординарными способностями и приносили с собой какие-то странные вибрации, но *такой градус* в этом маленьком душном помещении, пожалуй, ударял впервые.

– Добрый день, – сказала женщина. Голос был приятный, глубокий, как у воспитательницы детского сада для отстающих детей.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Людмила Кремер. Мне сорок три года, я юрист, консультант в ведущем кадровом агентстве. Окончила политехнический институт, как он тогда назывался, имею...

Пока она излагала свою краткую биографию, Ирина Королева, едва не зажмурившись, читала по памяти стихи про громко плачущую Таню и ее мячик – совет, который ей дал штатный психолог проекта Владимир Пивоваров. Если не читать стихи, можно войти в ступор. Конечно, вряд ли кто-то из претендентов на место в шоу рискнет уже на стадии кастинга использовать гипноз или другие штучки-дрючки, но от «иных наших собратьев, девочка моя, надо все равно стараться держаться подальше или хотя бы учиться загоразживаться от их негативного влияния». Так ей сказал Пивоваров, а он знал толк в «штучках-дрючках».

Увлечшись Агнией Барто, Ирина не сразу заметила, что Людмила уже закончила свое представление и ждет дальнейших вопросов.

– Кхм, спасибо. Итак... – Ирина забыла, что хотела ей предложить. Неужели это смешное задание со спрятанной фотографией? Да оно ей на один укус, как этому парню... как его? Поречникову!

Аналогии с экстрасенсом Михаилом, который покинул студию пару часов назад, запрашивались сами собой. Ирина была уверена, что эти двое займут центральное место в шоу. Конечно, окончательное решение будет принимать Садовская, но от очевидного она не сможет отмахнуться.

Пауза затягивалась. Людмила терпеливо улыбалась.

– Хорошо, Людмила. Перед вами... перед вами брелок с ключами от машины. Кому они принадлежат? Что это за человек? Каковы его привычки и пристрастия? Что вы вообще можете сказать?

Ирина ничего не могла с собой поделаться – она снова выложила свои ключи. Играть так играть.

– Что ж, – сказала Черная Дама, перебирая связку. – Я попробую. Но заранее прошу у вас прощения за все, что вы услышите.

– Конечно. Расскажите все, что видите.

– Я все вижу.

– Хорошо...

– Вы уверены, что хотите это услышать?

Людмила Кремер почти в точности повторила то, что рассказал Михаил Поречников, их монологи расходились лишь в некоторых деталях. И тогда Ирина окончательно уверилась в правильности своих выводов.

Впрочем, пусть решают продюсеры.

Отснятый материал смотрели на следующий день. На длинном кожаном диване в комнате отдыха сидели продюсеры Маришка Садовская и Петр Калинин, режиссер проекта Евгений Ксенофонтов, его ассистентка Ирина Королева. В персональном кресле покоилось тучное тело генерального директора канала Семена Соколовского, человека, далекого от сантиментов, но способного считать дивиденды от этих сантиментов. Он на дух не переносил мистику и, как он выражался, «прочую шаурму» и шумиху вокруг экстрасенсов и колдунов считал проявлением человеческой глупости. Однако он не мог не видеть, что люди это смотрят каждое воскресенье, как зомбированные, создавая вкусные цифры для рейтингов, а стало быть, это можно и продавать рекламодателям. Он мог бы и не присутствовать на просмотре отснятого на кастинге материала, но Семен Соколовский имел одну нехорошую особенность: он не до конца доверял своим молодым сотрудникам, особенно тем, чья карьера стремительно понеслась вверх. Продюсеры Калинин и Садовская, поднявшие реалити-шоу «Ясновидящий» практически с нуля, могли слишком быстро поверить в свою непогрешимость.

Перед аудиторией стояли большой плазменный телевизор с плеером и стеклянный столик с фруктами, соками и одной большой хрустальной пепельницей. Садовская, не сводя глаз с экрана, делала пометки в блокноте, Ирина Королева, в свою очередь, не сводила глаз с Садовской. Женя Ксенофонтов, все еще мыслями остававшийся на берегу озера Байкал, где он две недели рыбачил, охотился и пил водку с друзьями отца, смотрел на потенциальных ясновидящих с изрядной долей скепсиса. Перед началом просмотра он уже высказал мысль, что с каждым новым сезоном экстрасенсы все больше напоминают беженцев из Средней Азии, окопавшихся на Казанском вокзале, и теперь всем своим видом пытался показать, что был прав.

О чем думал Большой Босс, куривший дорогие сигареты и стряхивавший пепел на дорожной ковер, не смогли бы угадать и сами экстрасенсы.

Через полчаса Садовская остановила запись, бросила на стол авторучку и потянулась.

– Так, братья и сестры, что мы имеем? Куча кретинов, которые не пройдут даже через первое отборочное испытание. Даже если кто-то и проскользнет, во втором туре отвалится, как родинки после жидкого азота. Королева, там свет в конце тоннеля вообще есть или нам можно идти по домам?

Ирина демонстративно сморщилась. Ей не нравилось, когда ее окликали по фамилии, и Садовская, курва, это знала.

– Там есть два потрясающих фрукта. Молодой парень и женщина. Они вдвоем сделают это шоу, остальных можно взять прицепом и тащить до финала.

Садовская не успела ответить. За нее это сделал генеральный директор.

– Так, барышни, – многообещающе начал он, и кожа кресла под его задом начала громко возмущаться, – я, конечно, сделаю вид, что ничего не слышал об этих ваших прицепах и прочей шаурме, но если мне мои друзья в бане скажут, что «Ясновидящий» – паленое говно, я вам этого никогда не прощу. Размеры моего непροщения вам лучше не представлять. Как минимум всех сошлю в Законодательное собрание на освещение нацпроектов.

– Не надо, – сказала Садовская.

– Сам не хочу... Ладно, давайте крутите свое кино дальше. И побольше оптимизма!

Садовская сняла плеер с паузы.

Смотрели еще полчаса. Оптимизма в кадре больше не стало, но перспектива протирать зады в фойе местного парламента вынуждала смотреть на мир более радужно. Даже Петр Калинин, имевший привычку поднимать на смех любые начинания своей напарницы Садовской, на этот раз воздержался от комментариев. Уныние было утрамбовано в желудках, а природный скептицизм профессиональных телевизионщиков засунут в одно место. «Изображаем радость», – пропела себе под нос строчку из песни Пугачевой Ирина Королева.

Пришло время Михаила Поречникова. Ирина приосанилась.

– Вот парень, о котором я говорила. Знаете, как его зовут? Ни за что не поверите...

– Дай посмотреть! – рявкнула Садовская.

Ирина прикусила губу.

Испытание Поречникова смотрели в гробовой тишине. Даже Соколовский перестал ерзать в своем кресле, и дорогая кожа под его задом получила небольшую передышку. Петр Калинин так и просидел несколько минут со вскинутой вверх левой бровью, а Женя Ксенофонов оставил свои мазохистские воспоминания о Байкале. Экстрасенс Михаил (а в том, что это настоящий экстрасенс, никто не сомневался) без труда держал внимание аудитории.

Когда он ушел из черной комнаты, Садовская снова остановила запись.

– Как он сказал его зовут?

– Михаил Поречников, – буркнула Ирина.

Садовская качнула головой.

– Н-да, ребята оборжуются... или открутят нам головы.

Перед какими «ребятами» встанет такой странный выбор, Садовская пояснять не стала. Она сделала пометку в своем толстом, похожем на строительный кирпич блокноте и оглядела окружающих с таким торжеством, словно это именно ей принадлежала честь открыть новую звезду для рынка телевизионных чудиков.

– Ну что, хохлы, прищурились? Выше нос, все у нас получится. Королева, там еще есть что?

– Я уже говорила...

– Ну повтори, если тебе не трудно.

– Мне не трудно. – Ирина приклеила к губам фальшиво-подобострастную улыбку, а сама подумала, что, как только закончатся съемки третьего сезона, она положит на стол генерального директора заявление об уходе. А потом, когда Соколовский его подпишет, она вытащит из

жестяной вазы в курилке пожухлые прошлогодние цветы и опустит эту вазу на голову Садовской... А потом она вцепится этой суке в волосы!

– Ну так я не поняла, что там? – поторопила ее Садовская.

– Перемотай на полтора-два часа вперед. В самый конец.

Садовская нажала кнопку на пульте. На экране, как в кинохронике позапрошлого века, забегали смешные люди. Они размахивали руками, прыгали, делали какие-то странные пассы, и даже при такой скорости перемотки было понятно, что больше ничего интересного во время кастинга действительно не произошло.

Запись добежала до конца.

– Стоп! – крикнула Ирина.

Садовская остановила режим перемотки. На экране Черная Дама Людмила Кремер как раз приступила к рассказу о главных вехах своего жизненного пути...

Соколовский сказал «о!».

Ирина Королева сначала отвернулась, потом поняла, что не сможет отгородиться от вредного воздействия плазменной панели, и просто зажмурилась, втянув голову в плечи.

Женя Ксенофонов замер с раскрытым ртом.

Петя Калинин закрыл глаза.

...А Садовская выключила телевизор.

– Фу, бл... – выдохнула она, протягивая руку за сигаретой. – Не надо ее на проекте, я вас умоляю. Мы все свалимся с мигренью к чертовой матери уже после первой программы. Как думаете, Семен Семеныч?

Все обратили свои взоры к Соколовскому. Коллективный разум съемочной группы «Ясновидящего» безмолвно протестовал против пропуска загадочной дамы через сито отборочного тура, но у Соколовского было право вето на любое коллективное решение. Один его голос перевешивал стройный хор вечно недовольных жизнью и зарплатой телевизионщиков.

– Семен Семеныч!

Соколовский молчал. Одной рукой он тарабанил пальцем по подлокотнику кресла, а другой почесывал щеку. На скулах уже пробивалась трехдневная рыжеватая щетинка, и даже сидящему в отдалении Петру Калининну казалось, что он слышит, как она скрипит под ногтями Большого Босса.

– Может, поделитесь своими соображениями? – осторожно предложила Садовская. – Лично я считаю, что здоровье дороже рейтингов. Рейтинги завтра забудутся, а профессионалы на улице не валяются.

– Бывает, что и валяются, особенно после праздников, – буркнула Ирина Королева, но ее шутку никто не оценил.

Соколовский молчал, глядя куда-то в окно на качающиеся ветви березы. Пауза уже выглядела – вернее, звучала – довольно глупо. Когда всем показалось, что имеет смысл ущипнуть босса за ляжку или поводить перед его носом пузырьком с нашатырным спиртом, тот наконец подал голос:

– Она останется.

Интонация Соколовского не допускала возражений, и это все поняли сразу. Никто не решился протестовать.

– Она останется и дойдет до финала, – добавил босс, поднимаясь с кресла. – Обеспечьте ей финал любой ценой. Можете считать это приказом, невыполнение которого влечет автоматическое увольнение.

Он рассеянно оглядел собравшихся, словно капитан Смит, отдавший прощальное распоряжение радистам «Титаника», и вышел.

Ребята переглянулись.

– О как! – сказала Садовская. – Уже можно делать «ку»?

3. Честолюбие

Михаил Поречников принял решение участвовать в этом аттракционе (ему самому больше нравилась ассоциация с цирковыми обезьянками) под влиянием речей одного хмыря. Хмырь был коллегой, преподавал русскую литературу и обладал реальным даром убеждения. Он умел нажимать на разные тайные кнопки, спрятанные в недрах человеческой психики, и стоило признать, что стервец пользовался у студентов не меньшей популярностью, чем сам Михаил. Хмыря звали Володя, фамилия его была Капустин, и, хотя лет ему было уже не так мало, волосы он носил длинные, почти до плеч, брился только по праздникам, а на шее таскал наушники от плеера. Короче, возрастной неформал в стане преподавов.

Дело было в начале августа. Они случайно пересеклись в пустующем по случаю летних каникул деканате, поболтали с молоденькой секретаршей, а потом Володя затащил Михаила в бистро на проспекте Ленина напротив университета – в то самое, где Миша недавно съел первый гамбургер в компании своей возлюбленной студентки Елены Хохловой, – и с остервенением, достойным лучшего применения, начал нажимать на кнопки:

– Старик, о твоих разборках с Саакяном шепчется весь университет. Думаешь, никто ничего не видит и не слышит?

– В смысле?

– Да в том самом смысле! Вот скажи, о чем я сейчас думаю?

Миша нахмурился. Это была слишком бесцеремонная просьба. Из него упорно хотели сделать цирковую обезьянку.

– Что ты имеешь в виду? – прикинулся он чайником. – Хочешь сказать, что я умею читать чужие мысли?

– Да нет, блин, я хочу сказать, что ты бомбила с Курского вокзала! Не делай такое тупое лицо, тебе не идет.

Миша нахмурился еще сильнее.

– Кто болтает?

– Да как тебе сказать...

– Как есть.

– Да Саакян же и болтает! Ты же знаешь этого тщеславного ублюдка. Мало того что он сам на каждом углу сверкает своими цацками, так еще и тебя к себе притянул. Дескать, вот посмотрите, каких мы орлов воспитали!

Миша крякнул. Несмотря на все его экстрасенсорные способности, некоторые вещи от него все же ускользали, и одна из таких вещей – сплетни на работе. Наверное, все дело в том, что он никогда не склонен был их искать. Но, черт возьми, выясняется, что сплетни игнорировать никак нельзя, особенно если ты работаешь в большом дамском коллективе и особенно если ты экстрасенс.

Саакян – титулованный седовласый засранец, которому некуда больше приложить свои неординарные способности, которому надо чем-то развлекаться, чтобы держать себя в тонусе. Кроме того, он действительно безумно тщеславен. Несколько лет назад он был преподавателем Михаила, и вражда началась уже в те относительно беззаботные времена, когда Мишка протирал штаны в аудиториях и создавал себе репутацию чертовски талантливого молодого человека, которому под силу все – от наук и искусств до подметания листьев на университетском стадионе. Закончив этот педагогический вуз, Мишка без проблем был зачислен в местную же аспирантуру и стал преподавать историю, и два экстрасенса автоматически стали коллегами. У обоих – немалые способности (профессор Саакян к тому же действительно носил титул какого-то там магистра каких-то таинственных наук, который он отхватил в Европе – наверняка дал взятку, козел!), у обоих – твердый характер и стальные нервы. Первое столкно-

вание лбами произошло из-за женщины – очень симптоматично, кстати. Саакян любил молодых студенток, и одну из них Мишка буквально вырвал из его потных объятий, так что теперь ни о какой дружбе между ними речи быть не могло. Двум таким монстрам никогда не играть в одной песочнице, они – как два Горца, коротающие бесконечно долгую жизнь в стенах обычного учебного заведения. Впрочем, время выяснять, кто из них единственный и неповторимый Дункан Маклауд, еще не пришло, а потому в их отношениях установилось не оговоренное по срокам перемирие.

Но зачем этот, с позволения сказать, мужчина треплет языком, рассказывая всякому встречному-поперечному, кто есть кто в их иерархии Горцев? Не плюнуть ли на пакт о ненападении и не начистить ли ему рыло? Что-то даже кулаки зачесались...

– О чем задумался, старик? – спросил Володя, безмятежно приступая к пище.

– О бабах в мужском обличье. Что именно он рассказывал?

– Что вы двое последние могикане на нашей грешной земле. Когда случится Страшный суд, спасетесь только вы двое и те, кого вы сможете зажать у себя в подмышках.

У Михаила отвисла челюсть.

– Погоди, погоди... Что он сказал?

Володя рассмеялся:

– Да ты не парься! Он был пьян в этот момент, как мой сосед перед смертью, царствие ему небесное.

Миша цокнул языком.

– Ты циник, Вов.

– Жизнь заставила.

– Какая она сука.

– Кто?

– Жизнь, жизнь. Ты кушай, не отвлекайся.

– А-а, пасиб.

Володя был вполне добродушным и безвредным парнем, которому чертовски не везло с личной жизнью. Точнее, она у него была довольно бурная, но какая-то... безрезультатная, что ли. Ни одна из его пассий не собиралась с ним надолго задерживаться, а до постели вообще доходила лишь каждая третья. Словом, ни туда ни сюда.

– Тебя опять бросили, – как бы между делом сказал Михаил, попивая кофе.

Володя замер. Кусок ароматной пиццы с ветчиной и грибами застыл на половине пути к распахнутой челюсти.

– Ты пытаешься убедить себя, что ничего нового в этом смысле не произошло, – продолжал Миша, – но на самом деле ты потрясен. «Сколько ж можно от меня бегать? Что со мной не так?» Об этом ты думаешь, старик?

Володя положил пиццу на тарелку, вытер руки о салфетку.

– Ладно, друг, убедил. Старая жопа Саакян был прав.

Миша улыбнулся. Прочесть мысли бесхитростного Володьки Капустина (как он с таким интеллектуальным багажом преподает русскую литературу?) не требовало приложения серьезных усилий.

– Ты у всех можешь так в башке ковыряться?

Михаил придвинулся к нему поближе.

– Тебе скажу: в принципе да, плюс-минус нюансы. И если ты проявишь себя как еще одна баба в штанах и с яйцами и растрезвонишь об этом по всему университету, я найшу на тебя пожизненную мигрень.

– Да ну?

– Как два пальца...

Володя с восхищением покачал головой:

– Ну ты, блин... Чумак хренов!

– Не надо ассоциаций, я тебя умоляю.

Володя тихонько поаплодировал.

– Да, в самом деле очень убедительно. И у меня к тебе сразу два предложения.

– Слушаю.

– Первое: взамен моего молчания про твои способности я получаю твое молчание относительно моих успехов на личном фронте. Точнее, неуспехов.

– А типа никто не в курсе.

– Нет, старик, одно дело – сочинять байки и шушукаться в курилках, и другое – забраться ко мне сюда. – Володя постучал пальцем по виску. – Мы договорились?

– Конечно, ты мог бы и не просить. Я в этом смысле как врач-психотерапевт, никогда ни с кем чужие тайны не обсуждаю. Второе предложение?

Володя все-таки сначала засунул в рот пиццу и отпустил себе немного времени на удовольствие. Прожевав, он заговорщически подмигнул.

– Могу свести с ребятами из «Ясновидящего».

– Из чего?

– Реалити-шоу такое на «Неон-ТВ» идет. Не смотрел разве?

– Я не смотрю телевизор.

– Совсем?

Миша кивнул.

– С ума сойти... Ладно, не важно. Ты не хочешь себя попробовать в этом деле?

– Зачем?

– Мне кажется, у тебя есть все шансы победить.

– А зачем?

Володя с шумом опустил руки на стол.

– Заладил как попка! Что – зачем?

– Зачем побеждать в этом реалити-шоу?

– А зачем люди вообще побеждают?! – Володя начал кипятиться. Как человек эмоциональный и увлекающийся, он всегда быстро закипал и в такие минуты был очень забавен, словно щупленький сержантик-дед, которого не слушаются новобранцы. Пожалуй, его стоило жалеть. – Слушай, друг, – сказал Вова, – у тебя честолюбие атрофировано начисто, как у сантехника Афони, или ты просто набиваешь себе цену?

Михаил улыбался.

– Чего ты прешься, чудик? Ты всю жизнь собираешься сидеть в этом вузе и дышать Саакяну в анус?

– Фу, блин, Вован!

– Что – Вован? Ты слушай, слушай, что тебе искренний друг говорит. Тебе такого больше никто не скажет, даже твоя Ленка Хохлова, две пятерки ей в зачетку... Ты не имеешь права отсиживаться в своей раковине, старик. Думаешь, Господь Бог направо и налево раскидывает такую благодать? Ни фигя подобного!

Володя разделался с пиццей и перешел к кофе.

– Может, ты не знаешь, но я всю жизнь мечтал быть писателем. Я строчки в альбомах для рисования авторучкой выводил уже в двухлетнем возрасте, я читал в школе как проклятый все подряд – что задавали, чего не задавали и что удавалось достать за сданную макулатуру. Знаешь, скока мне лет?

– Знаю.

– Так вот, мне почти сорок, и все, что я сейчас умею, – это копаться в чужих книгах, чужих мыслях и чувствах. Я, наверное, хорошо копаюсь, грамотно, но я сам ничего путного не могу написать. Я пробовал много лет, прежде чем понял, что я – футбольный тренер, не

способный пробить пенальти. Я отдал бы все, что у меня сейчас есть – а у меня, старик, ни хрена нет, кроме болеющей матери, собаки и долгов, – чтобы хоть одна обложка с моим именем мелькнула на прилавках книжных магазинов, но я ничего не могу написать...

– Володь...

– Заткнись и слушай, что тебе говорят. Тебе Бог дал чуть больше, чем остальным смертным. Он не просто так раздает такие подарки, он ждет ответной реакции, он ждет результатов. Это как с большим рабочим дрыном: ты можешь до старости, укрываясь в туалете, мастурбировать на фотографию Ксении Собчак, но не лучше ли таким прибором осчастливить какую-нибудь ивановскую ткачиху? Она ж тебя, эта ткачиха, на руках носить будет, дурень!

Володя умолк. В глазах прыгали чертики.

– А говоришь, что ничего написать не можешь, – произнес Миша, – с таким-то образным языком. Трепач.

– Я делаю то, чем меня наделила природа. А ты должен заниматься своим делом. Пойдешь на шоу – попробуешь свои силы в серьезном деле, может, сможешь кому-нибудь. А потом у тебя будет имя... И от своего предназначения тебе уже точно не укрыться. Ну, Собчак или ивановская ткачиха – что выбираешь?

Миша отодвинул поднос с пустыми тарелками, хлебнул немного кофе.

– А посередине ничего нет?

4. О вреде хорошего звука

Был в съемочной группе «Ясновидящего» еще один человек, который имел все основания ненавидеть это шоу. Алексей Кузьмичев выполнял обязанности звукорежиссера, и именно ему выпадала честь прикасаться к участникам. Ни гримеры, ни костюмеры постоянного и настолько плотного контакта с экстрасенсами не имели, а вот Кузьмичев успел ощупать несколько десятков человек. Он цеплял к их одежде микрофоны.

О своих ощущениях Леша предпочитал не распространяться, хотя коллеги догадывались, что ему есть что рассказать. И операторы, и осветители, и даже монтажеры в аппаратурной не скрывали, что во время съемок иногда чувствуют себя плохо или наоборот – испытывают какой-то небывалый энергетический подъем, и в этом смысле очень многое зависело от настроения участников шоу. Все эти чудики, обладающие экстрасенсорными способностями, не всегда контролировали выброс энергии. Кто-то из проигравших, уходя с площадки, мог бросить что-нибудь в сердцах, и половина персонала потом целый день не слезала с толчка. Кто-то не выспался, кому-то жена не дала или, наоборот, дала слишком много, и все это безобразие могло выплеснуться непосредственно во время съемок. Поэтому Леша Кузьмичев наверняка чувствовал что-то особенное, поглаживая экстрасенсов по одежде, выбирая место для «жучка».

– Ну, как она вблизи? – спрашивали его в курилке друзья-операторы, вспомнив, что Кузьмичев накануне готовил к интервью молодую колдунью Леру. Дело было на съемках второго сезона, в кареглазую, жизнерадостную и фигуристую двадцатипятилетнюю Леру были влюблены все поголовно, включая ведущего, актера ампула вечного мачо Кирилла Самарина, и перекинуться с ней парой фраз, не говоря уже о том, чтобы пощупать, считалось великим счастьем. (Увы, Лера вылетела из проекта на пятой программе, показав в целом весьма скромные результаты, и ее уход вызвал такой транс у мужской половины группы, что на следующий день почти у всех наблюдалось дикое похмелье. Не иначе наколдовала девка!)

– Ну так как она? – донимали Лешку коллеги.

Немногословный Леха лишь пожимал плечами. У Леры платье было с роскошным декольте, и звукорежиссеру пришлось изрядно потрудиться, чтобы пристроить микрофон, не разрушив композиции.

– Леха, ты видел ее сиськи?

– А запах чувствовал?

– А как у нее?..

– А что?..

В конце концов Леша сдался, понимая, что друзья не отстанут, пока не получат информацию из первых рук.

– Ребята, – буркнул он, обильно покраснев, – у меня весь день стоял так, что хоть дубленку вешай.

Друзья были в восторге.

– Ну, старик, это не новость! Тут ей не надо быть колдуньей, все равно встанет!

Леша только смущенно кивнул и не стал уточнять, что всегда был совершенно равнодушен к чарам Леры, предпочитая собственную, во всех отношениях очаровательную молодую жену, и своими прелестями колдунья не могла вызвать такую убойную и длительную эрекцию (от которой, кстати, потом жутко ломило). Скорее всего Лера так пыталась его соблазнить. Жестоко, но бесперспективно.

Словом, Алексей Кузьмичев, ощупавший таким образом почти всех участников реалити-шоу, хранил много тайн. Коллеги шутили, что когда-нибудь он обязательно напишет мемуары. «Как я мацал ведьму» или «Жизнь с микрофоном в трусах» – так могла бы назы-

ваться эта книга, которая, несомненно, распродавалась бы гигантскими тиражами. Людям всегда нравились рассказы о содержимом чужих трусов.

По другую сторону экрана «счастливому» звукорежиссеру дичайшим образом завидовала спелая сорокапятилетняя дама по фамилии Шипилова. Звали ее Агнесса, а отчество ее никто не решался произносить вслух, боясь покалечить речевой аппарат, ибо состояло оно из сплошных подряд идущих согласных – что-то вроде Мкртчяновна, но еще более бесчеловечно. Дама работала операционисткой в банке, жила в хрущевской двухкомнатной квартире, из домочадцев имела попугая и вечно голодную кошку британской голубой породы, с соседями постоянно ругалась по поводу громко включенного «Русского радио» по утрам (музыкальный центр стоял на кухне, и, чтобы услышать музыку, например, из спальни, Агнесе приходилось врубать аппарат на полную мощность, а мощности у старого и крепкого «Панасоника» хватило бы на лондонский «Уэмбли»). Впрочем, это была вполне безвредная женщина, еще не увядшая, но быстро приходящая в уныние ввиду отсутствия поблизости вменяемых мужиков.

Телевизор был ее почти единственным развлечением (если не считать резинового друга длиной двадцать сантиметров, спрятанного под постельным бельем в шкафу спальни). Причем увлекалась она не «мыльными операми», а так называемой научно-популярной документалистикой. Фильмы о колдунах, шаманах и гадалках, спасающих девушек от пожизненной девственности, а мужчин – от чрезмерной похоти, она не пропускала никогда. Иногда она даже звонила и писала в различные редакции с просьбами, предложениями и прочей белибердой, которая заполняла ее кудрявую голову после просмотра очередного фильма о каких-нибудь неизвестных публике секретах Нострадамуса. Вскоре в редакциях несчастную Агнессу стали называть не иначе, как городской сумасшедшей, и номер ее квартирного телефона в конце концов попал в черный список. Позже она еще пыталась звонить со своего мобильного аппарата, но со временем накрылась и эта халява.

Реалити-шоу, появившееся в вечернем воскресном эфире телекомпании «Неон-ТВ», стало для нее настоящим спасением. Агнесса никуда больше не звонила, никого не доставала своим видением потустороннего мира – она просто, раскрыв рот, смотрела, как люди, наделенные экстраординарными способностями, бегали по манежу, словно цирковые обезьянки, и показывали сногшибательные трюки.

В итоговой программе первого сезона, в которой показывали телевизионную кухню и забавные моменты съемок, она увидела звукорежиссера Алексея Кузьмичева. Парнишка цеплял микрофоны к колдуньям и шаманкам, а потом в камеру рассказывал о своих ощущениях. Лицо у него было сосредоточенное и даже немного испуганное. Агнесса очень долго не сводила с него глаз.

О, сколько бы она отдала ради одного подобного мига! Хоть ненадолго поменяться с парнем местами, дотронуться до настоящего волшебника, который, может быть, привнесет в ее жизнь смысл, вдохнет что-то новое... покончит с ее диким одиночеством, наконец! О, она все бы отдала, что у нее есть: кошку, самотык, музыкальный центр и двадцать восемь тысяч рублей, накопленных за два года и припрятанных на пластиковой карточке.

Но... руки коротки.

5. Рустам Имранович

Утром двадцать девятого августа Миша Поречников брился в ванной комнате перед зеркалом. Брился медленно и вдумчиво. Он настраивался. Весь вчерашний вечер и всю минувшую ночь в голове у него вертелся разговор с Володей Капустиним, точнее, не весь разговор, а та его часть, на которую Вовка надавил особо – так, как он умел давить, стервец. С каким-то неожиданным поросычьим восторгом Миша вспомнил буквально недавно прочитанную у братьев Стругацких в «Хромой судьбе» фразочку: талант к анализу роковым образом оборачивается неспособностью к синтезу. То есть то же самое Вовка и сказал – он талантливо копается в чужих книжках, но сам ничего не может написать. А Мишка? К чему у него таланты, о чем он думает, о чем мечтает и зачем вообще он умеет делать то, что умеет? Поигрывать ли ему своими талантами, как бицепсами, перед легко возбудимыми девчонками или, черт возьми, действительно что-то создавать?

Когда он побрился и уже сбрызгивал подбородок лосьоном, он понял, что его снова взяли «на слабо». Володя Капустин сделал то же самое, что и Саакян полтора месяца назад. Чуть более изящно и наверняка из самых лучших побуждений, но – то же самое.

Ну не засранцы ли работают у них в университете?

Он прибыл на съемочную площадку одним из первых. В огромном ангаре, арендованном у еще не достроенного торгового комплекса, который, в свою очередь, когда-то оттяпал несколько цехов у разорившегося завода, телевизионщики обустроили три павильона различной площади. В самом маленьком устроилась передвижная аппаратная, в среднем – актовъй зал для одного из отборочных заданий, а самый большой зал... Миша, из эстетических соображений практически не смотревший телевизор, не подозревал, что его могло ожидать в гигантском зале, уставленном деревянными, железными и пластмассовыми ящиками различных размеров и цветов. Он лишь мельком заглянул с улицы в этот бывший заводской цех, присвистнул и вернулся обратно на солнце. Впрочем, постаравшись, он мог бы увидеть, что его ждет впереди, но до сих пор не преодоленный скепсис мешал ему проявить подобную инициативу. Будь что будет, решил он. Если Капустин прав, то у меня здесь что-то получится, если он ошибается... Что ж, забуду как забавное приключение, не более того.

Площадка у входа в ангар была забита фирменными автобусами телекомпании с параболическими тарелками на крышах и личными автомобилями сотрудников. Михаил посмотрел на часы, отыскал глазами скамейку и неторопливо направился к ней. Затылком и висками он чувствовал любопытные взгляды немногочисленных курильщиков, случайных зевак и таких же, как он, будущих участников шоу. Один из взглядов его даже немного «щекотнул», и Мишка, не оборачиваясь, послал невидимому собеседнику привет: «Отвали, приятель!» Контакт сразу же прервался, и, усевшись на скамейку, он так и не обнаружил своего любопытного «приятеля».

Он неподвижно посидел минут пять, посмотрел вокруг. В голову, словно после принятия приличной дозы глицина, стали приходить умиротворяющие мысли. А ведь его участие в шоу может стать довольно интересным! Ведь это действительно какое-то новое испытание для него, новая сфера приложения усилий. Ну в самом деле, чем он занимался до сих пор? Боролся со своими монстрами, спрятанными в шкафу, когда ему было десять – пятнадцать лет, искал, нащупывал что-то у себя внутри, поступал в университет, сражался с тамошними упырями, опять что-то искал, как суетливая баба, вечно опаздывающая на работу... Даже девушкой толком не обзавелся! В конце концов, он молод, симпатичен, энергичен, чертовски талантлив – так неужели с таким багажом ему всю жизнь подтирать носы первокурсникам, не готовым к зачету?

На несколько мгновений он представил себя шестидесятилетним, заплывшим жирком, старым, занудным преподам: он сидит за кафедрой в университетской аудитории, почесывает лысину, поправляет очки на переносице и все время порывается с анализа Смутного времени перейти на воспоминания о бурной молодости, но студенты начинают гудеть, бурчать, забрасывать его бумажками... Словом, бред полнейший... брр!

– Да, так оно все и бывает, – услышал он справа чей-то вкрадчивый голос.

Миша вздрогнул. Обычно к нему нельзя подкрасться вот так незаметно – его радары работают и днем и ночью, – но этого лазутчика он явно пропустил! Это могло означать лишь одно: лазутчик – «один из этих».

Он повернулся на голос. Рядом с ним на лавочке с видом «я просто посижу и никого не буду трогать» примостился невысокий пятидесятилетний мужчина в недорогом костюмчике и с кепкой на затылке. «Тот самый старый, занудный препода», – с улыбкой констатировал Михаил и почему-то подумал, что мужичку не хватает рядом листочка фольги со сваренным вкрутую куриным яйцом и куриной ножкой. Замшелый интеллигент на отдыхе в парке, ни дать ни взять.

– Простите, что вы сказали? – спросил Миша.

Мужчина даже не обернулся к нему и продолжал смотреть на суету возле гигантского автобуса «мерседес», принадлежащего телекомпания. Но он все же ответил. Со вздохом, будто сделал одолжение:

– Я говорю, молодой человек, что вот так оно и бывает: всю жизнь на низком старте, всю жизнь ждешь сигнала, а сигнала все нет и нет. Ты уже думаешь, что его никогда не будет и вся жизнь прошла даром... Без искры, без пара, без движения. И вот когда ты уже совсем отчаиваешься и собираешься плюнуть на все и всех, вдруг получаешь весточку... – Мужчина кивнул в сторону автобуса и помолчал немного. Потом добавил коротко: – Боязно.

Миша промолчал.

– Вы меня понимаете? – как бы между прочим поинтересовался мужичок.

Миша молчал.

– Знаю, что понимаете. Иначе что бы вам здесь делать, молодой человек, не так ли?

Собеседник наконец повернулся к нему. Миша увидел потухший взгляд глубоко старого человека, хотя на вид мужичку было действительно не больше полтинника.

«Я тоже стану таким», – подумал парень. Он протянул руку:

– Михаил.

– Очень приятно, – отозвался мужичок, протягивая свою сухонькую клешню. – Рустам... кхм... Рустам Имранович, если точнее выразиться. Почти как глава мятежного Верховного совета Хасбулатов, если вы помните. Хотя откуда вам это помнить...

– Мятежного Верховного совета? – улыбнулся Миша. – Вы, пожалуй, один из немногих моих собеседников, кто не утверждает однозначно, что Верховный совет был варварски расстрелян бандой Ельцина.

– Да, я так не считаю. Я считаю, в гражданской войне не бывает правых... – Он вздохнул и вернулся к изучению повадок телевизионщиков. – Видите ли, я был у ворот «Останкина» в девяносто третьем... защищал свободу слова. Из лагеря штурмующих в меня прилетела пуля... И знаете, после этой пули я думаю, что если бы победили Руцкой с Макашовым, то пол-Москвы висело бы на фонарных столбах. А потом и половина России. Я висеть категорически отказывался...

Они немного помолчали. Михаилу казался немного странным и даже неуместным разговор о политике здесь, в этом дворе, перед съемкой развлекательного шоу. Он решил закрыть тему.

– Н-да, чудесное у вас имя, нечего сказать.

– Надо полагать, и у вас не очень-то банальное? – скривился в ухмылке Рустам Имранович. – Я слышал, что среди претендентов на участие в шоу есть чуть ли не родственник одного знаменитого актера. Часом, не вы ли?

Мишка почему-то покраснел, хотя давно уже мог бы привыкнуть к подобным подколам.

– Думаю, для вас не составило большого труда определить, – сказал он. – Вы ведь тоже участвуете в шоу?

– Да. Я прочел объявление бегущей строкой, прошел кастинг. Мне позвонили вчера вечером, буквально в последний момент, когда я уже и рукой махнул на все это дело. А вы как попали?

– Коллега по работе сосватал. Я тоже особо ни на что не претендовал, хотя был уверен сразу, что пройду. Мне позвонили несколько дней назад.

– Поздравляю...

– Спасибо, и вас также... Хотя точно не знаю, с чем именно нас всех стоит поздравлять.

Рустам Имранович молча кивнул. У Мишки почему-то мурашки волной пробежали по спине.

6. Разминка

Через час с небольшим ангар оккупировали две сотни человек. Площадка стала напоминать открытый рынок в воскресный день. Мишка Поречников и его новый знакомый молча разглядывали толпу.

Это были самые разные люди. Они отличались друг от друга возрастом, цветом кожи, качеством штанов, выражением лиц... Вот выражение лиц заинтересовало Михаила более всего. Это были лица страждущих, хотя каждый второй из собравшихся всерьез считал себя если уж и не мессией, то каким-нибудь колдуном, магом, провидцем, целителем, в конце концов, и по статусу ему самому положено было бы собирать вокруг своего дома толпы страждущих, махать им с балкона платочком, отпускать грехи и разводить руками тучи в небе. Ан нет – теперь они сами здесь, возле этого ангара, ждут чуда, надеются на благодать и с удовольствием дают интервью репортеру телекомпании, который толкается в самой гуще вместе с оператором в расчете поймать удачный план или зафиксировать какое-нибудь интересное послание миру.

Вот совсем молоденький мальчик, лет двадцать от силы, белобрысенький, робкий, смотрит вокруг, пытается улыбаться, но видно, что его серьезно лихорадит. Михаил даже на расстоянии почувствовал дрожь в его коленках. «Куда ж ты, дурачок, полез, скушают тут тебя, как сосиску в тесте на автобусной остановке... На бегу скушают, даже не заметят, и будешь ты потом считать себя законченным неудачником, ничтожеством и бездарем и постепенно придешь к мысли, что лучше переквалифицироваться в управдомы... И ведь с легким сердцем переквалифицируешься, черт тебя дерит, и мир лишится еще одного потенциального Творца Мечты... Жаль». Миша был уверен, что все именно так с этим белобрысеньким экстрасенсом и получится и помешать подобному сценарию сможет только он сам. Но фигня в том, что он не захочет. Обстоятельства окажутся сильнее... Вот женщина лет сорока, восточной наружности, с горделивой осанкой, острым подбородком и взглядом главы огромного семейства. Да, у нее точно большая семья, как у многих людей в тех далеких краях, откуда она родом. Наверняка куча детей, работающий муж, чрезвычайная занятость которого, впрочем, не оказывает существенного влияния на благосостояние семейства... У них маленький дом, небольшой задний дворик, на котором ее четверо разнокалиберных, но одинаково чумазных сыновей гоняют сдувшийся резиновый мячик... ее единственная доченька десяти лет от роду помогает ей на кухне... В большом котле жарятся в шипящем масле колечки лука, кусочки баранины и морковка... Это плов... Черт возьми, настоящий, свеженький узбекский плов, приготовленный настоящей узбекской ясновидящей! «Зачем ты здесь, добрая женщина? Кого ты хочешь удивить в этом зоопарке? Ты уже всем все доказала, тебя в твоём селе носят на руках, потому что ты никогда никому не отказываешь в помощи – даже последнему засранцу, не достойному прощения... Впрочем, кажется, ты уверена, что „нет тех, кто не стоит любви“, хотя никогда не слышала этой строки у Башлачева... Малограмотная, владеющая русским языком на уровне „мы иметь строительный бизнес в Москве“, но такая уверенная в себе, такая возвышенная и какая-то... Черт, не подобрать выражения... Словом, загадочная. Да, есть еще женщины в узбекских селеньях»...

И еще десятки лиц, сотни глаз, сотни судеб, сотни разных дорожек, сомкнувшихся у стен этого ангара.

Чудный денек намечается.

– Интересно, правда? – спросил Рустам Имранович.

– Не то слово, – кивнул Миша. – Просто книжки писать можно, не вставая со скамейки. Мужчина даже как будто оживился.

– Предлагаю небольшое соревнование, чтобы скоротать время, – сказал он. – Помните сцену из «Холмса»? Как старший брат Майкрофт предлагал Шерлоку рассказать что-нибудь о случайном прохожем, которого они увидели из окна? Вы вообще смотрели этот сериал?

– Конечно. Мои родители никогда его не пропускали.

– Замечательно! Ну, что скажете?

Миша пожал плечами. Откровенно говоря, ему не очень нравилось делать это публично. «Сканирование» – дело интимное, и свои наблюдения лучше оставлять при себе. Но раз он настаивает...

– Что ж, пожалуй. Если только чуть-чуть.

– А больше и не нужно. Просто встряхнемся перед первым туром.

– Давайте, давайте.

Имранович с хрустом размял пальцы, приосанился.

– Что вы думаете вон насчет того молодого мужчины, у которого сейчас берут интервью телевизионщики? Видите, справа от автобуса?

– Вижу.

Михаил вынул руку из кармана и стал по привычке потирать свой левый висок. Это помогло ему сосредоточиться.

Объектом стал молодой человек в черной рубашке и черных же брюках, высокий, с короткой стрижкой. В вытянутой правой руке он держал мундштук с дымящейся сигаретой, сам держался как бы отстраненно и почти вальяжно, на вопросы телевизионщиков отвечал неторопливо, растягивая слова, при этом взгляд его не поднимался выше декольте на блузке прекрасной собеседницы.

– Ну? – спросил Рустам Имранович. – Что скажете?

Миша вздохнул. Задача – для первого курса школы колдовства Хогвартс.

– Считает себя колдуном, – начал излагать Михаил, – причем не абы каким колдуном, а потомственным. Продолжайте.

Рустам Имранович кивнул и с мальчишеским азартом подхватил эстафетную палочку. Мишка понял, что для мужика это не просто хобби. Это то, для чего он до сих пор существует в этом мире.

– Парень одинок... Возможно, девственник, и это обстоятельство накладывает отпечаток на все, что он делает или пытается делать. Неистраченные чувства и эмоции он направляет в совершенно иное русло...

– Согласен, – подхватил Миша, не отпуская висок, – но, кроме его возможной девственности, есть еще и личностные характеристики. Парня можно назвать вредным... противным даже, я бы сказал. Нетерпим к чужому мнению и крайне болезненно воспринимает пренебрежение к своему колдовскому статусу...

– ...да-да, жутко не любит, когда в нем сомневаются или даже смеются над ним. Кстати, что он вообще умеет?

– Вы хотите знать, обладает ли он хотя бы малой толикой того, о чем трубит сейчас девушке, с которой мысленно уже давно содрал блузку?

– Именно! – почти с детским восторгом воскликнул Рустам Имранович. – Что скажете, коллега?

Миша улыбнулся, несколько секунд молча изучал объект. Молодой человек в черном никак не мог закончить интервью. Девушка с микрофоном все пыталась от него улизнуть, оператор уже опустил камеру и искал новые планы для съемки, а колдун не унимался. Очевидно, нашел наконец благодарного слушателя.

– Способностей не много, – заключил Михаил. – Он любит внешние эффекты, но на самом деле способен, пожалуй, лишь на обнаружение взрывчатых веществ или марихуаны в чемоданах гастарбайтеров.

Рустам Имранович рассмеялся, хлопнув в ладоши.

– Bravo, коллега! Я все пытался найти образный ряд для этого молодого человека, но вы попали в десятку раньше меня! Bravo!

Михаил благодарно склонил голову. Разминку на этом он считал законченной, но Рустам Имранович вдруг перестал смеяться и повернулся к нему. Взгляд был серьезен.

– Ну, а обо мне что-нибудь можете сказать?

Миша вздохнул. «Вот этого я как раз и не хочу, – подумал он, стараясь послать соответствующий импульс в голову собеседника. – Давайте не будем портить хорошее утро, а?»

Рустам Имранович кивнул.

– Я ждал подобной реакции, – сказал он, отворачиваясь. – Должен предупредить об одной вещи. Сейчас мы с вами некоторым образом наблюдатели и, возможно, даже немного друзья. Но если мы оба с вами пройдем в шоу, мы автоматически превратимся в соперников. И поэтому...

Миша нахмурился. А ведь этот потрепанный жизнью мужичок в кепочке уже начинал ему нравиться. Черт побери, что делает с людьми желание быть первым...

– Рустам Имранович, я понятия не имею, во что мы с вами ввязываемся, но я убежден, что соперничество не предполагает вражды и уж тем более – вредительства. И давайте действительно не будем портить прекрасное утро!

Мужчина покраснел.

– Да... кхм... действительно.

Рустам Имранович отвернулся и стал рассеянно осматривать толпу.

Из дневника Екатерины Соболевой

28 июня 2008 года

...Иногда я чувствую себя просто какой-то зеленощекой принцессой Фионой. Сначала родители не разрешают ей гулять допоздна, а потом и вовсе заперли в высокой башне, оставив на попечение Дракоши. Родительский долг выполнен, девчонка изолирована от дурного влияния улицы, пусть сидит и ждет своего прекрасного принца, хаха... Да не жду я уже никакого принца, плевать я на них хотела! Мне нужна свобода. СВО-БО-ДА! Не в том смысле, что куда хочу, туда пойду, что хочу, то и наворочу. Я не такая, поверь мне... Да ты и сам прекрасно знаешь, что ж я тебе рассказываю, слава богу, уже пять лет общаемся! Просто я хочу, чтобы у меня было право выбора. Я считаю, что человек в шестнадцать лет заслуживает право выбора, а мне говорят, что ты еще не достигла возраста, дающего право голосовать... ха-ха три раза! Я учусь хорошо, я пишу лучшие сочинения в школе за всю историю ее существования (понял, да? бе-бе!), я не шляюсь по притонам... Я не блядую, в конце концов... Но я тысячу лет не была на ночном концерте в каком-нибудь клубе (блин, какое там «тысячу лет»! НИ РАЗУ НЕ БЫЛА!). Я забыла, что такое дискотека! Я полторы тысячи лет не гуляла на закате по нашей набережной, а ведь там так красиво! Я так люблю эту набережную, хотя река там чуть ли не самая грязная в городе. Да ну и что! Пусть грязная, пусть вечером страшиновато, пусть то, пусть се... Но как я живу, посмотри на меня! Ради чего? Ради кого?! Зачем я?! Ой, ладно, пойду я спать... В последнее время днем мечтаешь только об одном – скорее плюхнуться спать. Кажется, только в постели чувствую себя спокойно, но утром приходится просыпаться. Знал бы ты, как иногда не хочется, чтобы веки разлипались! Ладно, прости за слабость, пока!

☺☺☺

7. Рыба

На первом задании Миша откровенно забавлялся. Пожалуй, даже за это маленькое развлечение стоило бы поставить Вовке Капустину бутылку поддельного виски, которое он так любит.

Сначала претендентов – примерно по двадцать – тридцать человек – загоняли в импровизированный актовый зал с небольшой сценой. На сцене стояла черная ширма, абсолютно непроницаемая, мрачная и немного пугающая, как театральная задняя панель перед спектаклем при потушенных прожекторах. Когда первая партия экстрасенсов, в которую пролез и Михаил, расселась по казенным стульчикам с кривыми металлическими ножками, на сцену перед ширмой вышла девушка. Миша ее узнал – это была та самая неудачливая в браке ассистентка режиссера, пытавшая его на кастинге. С ней что-то произошло, Миша пока не понимал, что именно, но по сравнению с их первой встречей настроение ее очень изменилось. Возможно, она недомогала.

«Да, блин, месячные начались!» – мысленно отмахнулся он, чтобы закрыть тему и не загружать мозги.

– Внимание, – сказала девушка, подняв руку. – Здравствуйте, меня зовут Ирина Королева. С большинством из вас мы познакомились во время кастинга. Здесь в зале сейчас собрались те, кому предстоит побороться за выход в финальную часть реалити-шоу. Вас ждет первое задание, по итогам которого вы проходите в следующий этап. Сейчас мы уже пишем первую программу, которая скоро пойдет в эфир. На раскачку уже времени нет, начинается настоящая работа. Я желаю всем вам удачи!

Она покинула сцену. Михаил со своего последнего пятого ряда успел заметить у нее мешки под глазами. Какая сволочь ее мучила все эти дни?

Сменив Ирину, на сцену вышел молодой человек в джинсовой куртке и с зажатым в руке телефоном. По виду – еще один ассистент режиссера, но уже менее приветливый и более деловитый.

– Здравствуйте, друзья. Вот условия первого задания. – Он повернулся боком к ширме. – Здесь за ширмой спрятано нечто. За двадцать минут вы должны определить, что именно там находится. Можете описать это общими словами, можете попытаться указать конкретный предмет. В вашем распоряжении все пространство зала, можете подходить к ширме и стучать хоть в шаманские бубны, дело ваше. У каждого из вас есть лист бумаги. Напишите на нем свои имя и фамилию и то, что вы увидели. На выходе вы опустите бумагу в урну и дадите небольшое интервью. Все, друзья, время пошло, удачи всем!

Парень ушел. По залу стали снова операторы с камерами. Народ зашумел.

«И каждый из них будет желать нам удачи, и скоро нас всех вырвет от этих телячьих нежностей», – подумал Миша.

Как и в старые школьные (а позже и студенческие) времена, прежде чем приступить к выполнению задания, он стал разглядывать своих конкурентов. Интересно было понаблюдать за их рвением.

Перед ним, рядом ниже, сидел Рустам Имранович. Он был уже без кепки, и кожа на его напряженной лысине ходила ходуном, как гармошка старого, удлиненного «Икаруса». Мужчина неотрывно пялился на ширму, постукивал пальцами по деревянному подлокотнику. Миша улыбнулся и перевел взгляд вправо. Там сидела та самая многодетная узбечка, чей ароматный плов он увидел в своем воображении. Внезапно ему дико захотелось попробовать чего-нибудь мясного. «Надо будет с ней подружиться, если она пройдет в финал». Женщина сидела неподвижно в своем кресле и тоже смотрела на ширму. Со своего места Михаил мог видеть, как ее губы нашептывают что-то. Очевидно, шаманит на своем языке.

Участники с боковых мест действительно начали вставать и подтягиваться к сцене. Кто-то подходил вплотную к ширме и пытался пронзить ее взглядом, но тут же, разочарованный, отходил прочь. Кто-то нарезал круги под сценой, стуча в бубен, потрясая кухонными ножами или разбрасывая какие-то семечки... Молодой человек в черных брюках и черной рубашке, не выпуская изо рта мундштук с тлеющей сигаретой, вытянул к ширме длинные руки ладонями вверх и что-то там пытался нащупать... Но Михаил был уверен, что все впустую.

«Балаган, – подумал он, едва сдерживая улыбку. – Тот самый цирк с обезьянками».

Сам он довольно скоро определил, что скрывается за ширмой. Он просто в течение минуты смотрел на ширму, потирая левый висок, – и увидел. Он не стал изображать мыслительные потуги, он, как на вступительных экзаменах в университет, сразу написал правильный ответ. Вдоволь насмотревшись на своих разнокалиберных конкурентов, он сложил листочек вдвое и покинул зал. Краем глаза заметил, что Рустам Имранович все еще морщит затылок.

На выходе его действительно ожидали. Его отвели в уголок, под свет прожектора, наставили камеру.

– Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, – попросила девушка-интервьюер.

– Михаил Поречников.

Девушка даже глазом не моргнула.

– Вы определили, что спрятано за ширмой?

– Да.

– И что же там?

– Большой аквариум с акулой... или с другой большой рыбой.

Девушка и оператор переглянулись.

– Много ли времени у вас на это ушло?

– Честно?

Девушка снова переглянулась с оператором.

– А как иначе?

Миша улыбнулся:

– Нет, я могу, конечно, пококетничать для камеры, рассказать, какие сложные манипуляции с сознанием я совершаю. Могу просто ответить как есть.

На секунду девушка замешкалась.

– Ну, давайте честно.

– Если честно, то около двух минут. В первую минуту я увидел стекло и воду, а далее – большое, живое и холодное тело. Акула там или нет – точно не знаю, но, кроме акулы, ничего в голову не лезет. Я могу идти?

– Конечно. Спасибо большое. Далеко не отходите.

– Нет-нет, что вы. Я пойду кофе выпью. Где тут у вас кулер?

8. Коридор

Из двух с лишним сотен претендентов для следующего испытания можно было отобрать человек пятьдесят. Садовская ожидала худшего результата. Во время перерыва, когда участники пили кофе, курили на площадке возле ангара, делясь впечатлениями и проклиная авто-ров только что пройденного бестолкового задания, продюсер просмотрела свеженькие рабочие материалы и пришла к выводу, что как минимум шоу не провалится. Чуть больше ста претендентов правильно указали, что за ширмой – живое существо. Тридцать человек определили, что, кроме живого существа, там еще стекло и вода, следовательно, можно с большой долей вероятности предположить, что там какая-то рыба или что-то на нее похожее. Остальные в своих исследованиях ушли очень далеко, и, просматривая ответы на листах бумаги, ассистенты не переставали похихикивать: версии были самые сумасшедшие – от голой девушки на пуантах до газонокосилки.

Только два человека ответили, что за ширмой – акула в большом аквариуме. Разумеется, акула была маленькая. Обколотая какими-то транквилизаторами, она лениво нарезала круги в резервуаре и вполне могла сойти за откормленного сома, но, черт побери, два человека ее увидели!

Садовская положила перед собой два листа бумаги. Две подписи в углах – «М. Поречников» и «Л. Кремер». И совершенно одинаковая форма ответа: «Аквариум. Акула».

Садовская закурила длинную ментоловую сигарету, начала крутиться на стуле, кусать губы и размышлять.

Миша оказался прав насчет Ирины Королевой. Сегодня она была не в духе. Более того, она и физически чувствовала себя весьма отвратно, однако предположение экстрасенса относительно причин такого самочувствия оказались поспешными – критические дни здесь были ни при чем.

Едва закончилось первое испытание, в течение которого она пряталась в передвижной аппаратной рядом с режиссером Женькой Ксенофонтовым, Ирина покинула телевизионную зону и пошла бродить по запутанным лабиринтам бывшего завода. Ей хотелось побыть одной.

Она миновала съемочную площадку, уставленную разнокалиберными ящиками, и вошла в первую же попавшуюся дверь в углу ангара с красной надписью «Не входить!». Войдя, огляделась. Это был длинный коридор, подсвеченный желтушными стоваттными лампочками под пыльными абажурами. Конец коридора терялся в полумраке. Прямо перед Ириной на стене висел выцветший от времени, с ободранными углами плакат, призывающий рабочих быть сознательными и не тырить социалистическое добро и в противном случае обещающий муки вечные в пенитенциарной системе.

«Господи, когда здесь в последний раз были люди?» – подумала Ирина и вошла в коридор, прикрыв за собой дверь.

Судя по всему, живых существ здесь не было действительно очень давно. Максимум – оголодавшие крысы и пауки. Пахло сыростью. Где-то в полутьме, под негорящим фонарем, капала с потолка вода, образуя приличных размеров лужу. Впечатление этот заброшенный технический коридор производил мрачное, если не сказать – пугающее. Впрочем, под стать тому безобразию, что здесь сегодня устроили телевизионщики. Экстрасенсов нужно пустить погулять по этому заводу – вот где будут «веселые картинки», подумала Ирина.

Она решила пощекотать и собственные нервишки.

– Эй! – крикнула она и зажмурилась.

Ничего не произошло, и визгливые летучие мыши не взметнулись черным ураганом под потолком, и эхо не откликнулось мрачным предложением убираться подальше. То есть эха не было вообще, будто стены этого длинного коридора были обиты войлоком, как комната в психушке для особо буйных пациентов.

– Э-э-эй!!! – повторила она и хихикнула. – У-у-у, бли-н-ин!.. Сто-ой, кто иде-о-от?..

Мрачный коридор по-прежнему не торопился подхватывать игру – все так же молчал, хлюпая падающими в лужу каплями воды. Ирина подошла к противоположной стене и села на пол под плакатом. Черт побери, что же с ней происходит?

Как будто кто-то могучей холодной рукой схватил грудь и сжал ее, не давая вздохнуть. Ощущения почти те же, что она испытывала по утрам после нелепой гибели бывшего мужа. Хотя их мало что связывало в те годы, но, просыпаясь и глядя в белый потолок, она едва удерживалась от слез. Ей не хотелось просыпаться, ей хотелось выть. Когда она все же находила в себе силы подняться, принять душ и съесть пару бутербродов, все приходило в норму, но вот первые минуты после пробуждения – это жесть...

Сейчас – почти то же самое. Паника, подступающие к горлу слезы, чьи-то холодные мерзкие пальцы в груди... Пожалуй, помочь могла только лошадиная доза корвалола или еще чего по сильнее. Нет, лучше коньячку выпить! У Женьки в автобусе где-то был спрятан небольшой початый пузырек... Правда, если эта сучка Маришка Садовская почует запах алкоголя – порвет на бантики для своей собачки... Хм, а у нее есть собачка?

Ирина хихикнула. Чушь какая-то в голову лезет. Надо встать, найти туалет, умыться и взять себя в руки. Еще один сезон, дорогая, только один сезон – и все, пошли они к чертовой матери, светилы-мудилы отечественного телевидения, вместе с их рейтингами, замерами, больными на всю голову зрителями, которым нужно только одного – крови, бл...ства и юмора! Господи, на что я расходую свой талант?!

Она шмыгнула носом, поднялась, держась руками за холодную и шершавую стену. Жаль, нет с собой зеркальца... Впрочем, все нормально, она справится и так, она сейчас возьмет себя в руки, поднимет свою красивую головку – и пойдет вперед...

Она скрючилась, схватилась рукой за сердце.

Да черт побери! Да что же это такое? Да кто же с ней это делает? Зачем?!

Она заплакала. Заревела в голос и упала на колени. Ей хотелось кричать, потребовать отпустить ее и перестать мучить, но она только плакала и плакала. На большее сил у нее уже не было.

И в этот момент в конце коридора справа от нее раздались чьи-то шаги. Кто-то застучал каблуками по бетонному полу.

Женщина перестала плакать, подняла голову.

Сквозь пелену слез увидела силуэт, но не смогла определить, кому он принадлежит.

Человек направлялся к Ирине.

9. Игра

Организаторы шоу оставили тридцать человек. Михаил с удовлетворением отметил, что среди них – смешной Черный Колдун с мундштуком, узбекская Тетенька-Плов, Рустам Имранович. Все, кого он так или иначе отметил еще до начала съемок, были на месте, значит, он умеет делать точные прогнозы. Это радует.

Теперь счастливицам предстояло зубодробительное задание, и когда Миша, не видевший предыдущих сезонов шоу, понял, что от него ожидают, восторгу его не было предела. Он едва сдержал хохот. «Господи, так они проверяют наличие у человека экстрасенсорных возможностей? – подумал он. – Да что же меня в самом-то шоу ожидает? Воду в спирт не надо будет превращать?»

Их по одному стали заводить в самый большой зал ангара. Все остальные под присмотром людей в синих джинсовых костюмчиках ожидали в благоустроенном предбаннике – чай, кофе, журналы и прочие радости. Впрочем, практически всем участникам было известно, что там с ними будут делать в ангаре. Михаилу достаточно было послушать разговоры своих коллег.

– Ящики будем обнюхивать, как собаки Госнарконтроля, – махнул рукой Рустам Имранович. Он был увлечен какими-то своими мыслями, судя по всему, не очень веселенькими.

– Что-то искать будем? – спросил Миша.

– Не что-то, а кого-то. Спрячется там какой-нибудь чудик полтора метра ростом, свернется в три погребели, а ты должен будешь вытащить его. Ящиков – штук тридцать, на все про все дается минут десять. Слабо?

Михаил хмыкнул. Слабо ли ему, вышедшему на бой с призраками Черной Сопки, причем на их же территории,² отыскать в ящике карлика?

– Не спешите с выводами, – сказал ему Рустам Имранович. – Не все просто, что простым выглядит. Если вы, конечно, не супермен.

Михаил только усмехнулся. Супермен он или нет, пока наверняка не скажешь, но первые его два дела – с видеокамерой Вавилова и проклятым домом на Тополиной улице – позволяют надеяться, что с этим дорогостоящим телевизионным аттракционом, призванным развлекать воскресных домоседов, он как-нибудь справится.

Те, кто проходил испытание, обратно уже не возвращались – их отправляли в следующий павильон, окруженный такой же плотной охраной, как и нынешний. «Да, система безопасности у них тут поставлена хорошо», – подумал Миша. Эта мысль его порадовала: ребята стараются пресечь возможные утечки, а потому можно быть уверенным, что откровенной лажи вроде подсадных уток и постановочных сцен в проекте не будет или хотя бы их сведут к минимуму. Это неплохо.

Он терпеливо ждал своей очереди, сидя у стены возле кулера. Ни с кем не общался, ни к кому не прислушивался, хотя прекрасно осознавал, что стоит ему чуть-чуть напрячься – закрыть глаза, прикоснуться к левому виску и врубить хотя бы на половину мощности свои принимающие датчики, – и на него обрушится вся эта экстрасенсорная ерунда, томящаяся, словно говяжий бульон на медленном огне, в головах у этих странных людей. И еще он понимал, что сам вызывает у окружающих определенный интерес. Не раз и не два он буквально ловил кого-то «за руку» и посылал мощную оплеуху в ответ – «Брысь!» – и втайне забавлялся, как быстро любопытные уносили из его головы свои тепленькие и потные щупальца.

Рустам Имранович отчего-то скис. Он сидел в углу под вешалкой, шелестел пальцами, будто перебирал невидимые четки, бубнил что-то под нос. Миша пару раз бросил обеспоко-

---

² О втором деле Михаила Перечникова – загадка Черной Сопки и проклятого дома на Тополиной улице – рассказывается в романе «Тринадцать».

енный взгляд в его сторону, но вмешиваться не стал. У Имрановича, видимо, действительно прямо перед носом какой-то рубикон, при переходе которого он боится окончательно сломать шею. Помочь ему в такой ситуации трудно. Каждый в одиночку воюет со своими монстрами, и тут лучше не мешать.

Черный Колдун ходил из угла в угол по маленькому павильончику, не выпуская изо рта свой дурацкий мундштук. Сигарета в нем истлела до фильтра, причем парень затянулся всего пару раз, не больше. Сколько у него имелось реальных колдовских способностей, Михаил точно пока сказать не мог, но основные таланты молодого человека, без сомнения, лежали в иной плоскости – он тяготел к театральным постановкам. Если чувака возьмут в программу, цирк будет обеспечен.

Из всех остальных конкурентов Михаил выделил еще одну загадочную даму. Это была Людмила Кремер (он слышал ее имя и запомнил – как не запомнить!). Загадочность ее заключалась в том, что к ней в голову Михаил не мог проникнуть совсем никак, даже на короткое время и даже, что называется, по верхам. Из всех, с кем когда-либо общался или просто пересекался экстрасенс Михаил Поречников, таким мощным барьером обладал его коллега по университету профессор Саакян. Но если старый стервец, шутя и забавляясь, иногда впускал его, то Кремер окружила свою голову чем-то очень плотным, словно саркофагом четвертого энергоблока Чернобыльской атомной станции.

Он на время оставил попытки раскусить ее. Он был уверен, что ему еще представится случай.

Через час народ начал рассасываться. Кто-то курил на улице, кому-то срочно понадобилось сбежать в магазин. Экстрасенсы явно начинали сходиться с ума от ожидания. Михаил сам был близок к состоянию ступора, но тут его вызвали.

– Вы готовы? – спросила молодая девушка в униформе телекомпании.

Он молча кивнул. На самом деле ему хотелось сбежать домой, слопать пару кусков пиццы, которую ему вчера испекла Ленка Хохлова, и завалиться спать.

– Уверены? – уточнила девушка.

– Вполне. Давайте ведите меня к вашим гробам.

Девушка не оценила шутки, нахмурилась, молча развернулась к нему спиной и пошла по коридору.

Они вышли в большой ангар. На входе Михаила встречали два оператора с камерами на плечах. Впрочем, он уже привык к ним за время первого испытания и почти не обращал внимания. За операторами маячила черная шевелюра какого-то высокого парня в кожаном плаще до пят. «Это еще один рулевой», – угадал Михаил. И действительно, парень, разводя операторов по разные стороны, пошел навстречу чуть ли не с распростертыми объятиями.

– Здравствуйте, Михаил! Представляю, как вас замучили вопросы о вашем имени и фамилии, поэтому сразу перейдем к делу. Меня зовут Константин, я соведущий проекта и сегодня буду сопровождать вас на этом задании. Проходите.

– Да, давайте, – коротко ответил Миша.

Константин повернулся к нему боком и обвел рукой площадку:

– Перед вами – тридцать ящиков различных размеров, цветов и предназначения... Мы собирали их по всему городу. В одном из них скрывается человек. Вы должны ему помочь выбраться наружу, и на это у вас будет всего десять минут. Вам понятно задание?

Миша устало улыбнулся: дескать, утомили уже, давайте к делу. Эта улыбка ведущему явно не понравилась.

– Михаил! – воззвал он к нему. – Вы готовы к выполнению задания?

Миша встряхнулся. Пожалуй, не стоит с самых первых кадров настраивать против себя съемочную группу.

– Да, готов.

– Тогда желаю удачи.

Константин нажал кнопку секундомера и отошел в сторону, приглашая экстрасенса. Миша шагнул вперед, операторы засуетились вокруг.

Перед ним в два ряда были выставлены действительно самые разные ящики, какие только можно найти в большом городе – от упаковочной тары для крупногабаритной техники до мусорных баков (впрочем, скорее новых, чем использованных по назначению). Расставлены они были без всякой видимой системы, но ровно по пятнадцать штук в каждом ряду.

Миша коротко обернулся к оператору. Камера справа сверлила его висок, второй оператор отбежал в дальний конец рядов. Еще Миша увидел сверху лебедку операторского крана с подвешенной камерой. Она летела под потолком ангара прямо к нему навстречу.

«Добро пожаловать на манеж, старина! – подумал с улыбкой Михаил. – Прозвенел третий звонок, зрители в партере жрут мороженое и чавкают поп-корном. Прошу вас, дамы и господа, выключить ваши сотовые телефоны, видео- и фотокамеры. Ладно, блин, зубоскалить можно сколько угодно, но надо уже начинать работать, коли приперся сюда. Так что соберись и работай... Экстрасенс, бл...»

И он приступил к работе.

За мониторами в аппаратной сидели Женя Ксенофонтов и Маришка Садовская. Последняя нервничала.

– Жентос, где эта подружка твоя носится? Что за дела?

Женя не сводил взгляда с мониторов и делал в микрофон подсказки операторам:

– Сеня, зайди еще раз справа, возьми его в профиль крупно... Да, посмотри, как у него желваки ходят... Во, молодец... Так, кран пошел вниз... Отлично...

Садовская была вынуждена повторить свой вопрос, и на этот раз она дернула режиссера за рукав:

– Я тебя спрашиваю, красавец, где твоя любовница?..

Евгений на мгновение отвлекся, повернулся к Садовской, опустил миниатюрный микрофон, прикрепленный к подбородку, и прошипел:

– Слушай, займись делом! Или сама иди ее ищи.

И он вернулся к операторам.

Маришка прикусила губу. На центральном мониторе Михаил Поречников тоже кусал губы. По щеке его потекла капелька пота. Да, действительно, план был выхвачен очень удачный...

Но, черт, куда подевалась эта сучка Королева?!

Михаил замер. Впрочем, та капля пота, которую засекали оператор и обитатели аппаратной, не была признаком напряжения – просто в ангаре почему-то стало очень жарко. Миша краем глаза заметил, что и его провожатый Константин автоматически пытается скинуть плащ, но потом, очевидно, вспомнил, что это элемент его сценического костюма, и вернул обратно на плечи.

На самом деле в душе Михаила сейчас боролись два маленьких монстра. Один из них со временем имеет все шансы превратиться в большого, если его вовремя не приструнить. Этот маленький мерзавец вопил ему прямо в ухо: «Давай, сделай их, пусть они все охренеют, когда ты на второй минуте испытания подойдешь и укажешь им на нужный ящик! Ведь они именно этого хотят, и сегодня ты сразу станешь звездой! Ну, блин!»

Второй монстрик предлагал повременить, немножко повыпендриваться, понагнетать ситуацию, поиграть на нервишках – тем более что они все знают, чего от тебя ожидать – а потом, когда у них уже все в пятках, взять и уделать! Тоже хорошо.

В общем, два маленьких негодяя...

Дело в том, что Миша уже увидел спрятавшегося в ящике человека. Увидел даже с того места, на котором сейчас находился. Он не ожидал, что у него получится так скоро, и теперь не знал, как поступить.

А тут еще Константин начал мешать:

– Извините, Михаил, а можно узнать ход ваших мыслей?

Миша едва удержался, чтобы не фыркнуть. Какой, на фиг, «ход мыслей»? Нет никаких мыслей, есть «очевидное и невероятное» – вон он, полутораметровый лысенький мужичок в правом ряду в квадратной то ли коробке, то ли тумбочке... Не поймешь, что за ерунда... Скрючился, как эмбрион в пузе танцующей на дискотеке мамыши... Вертится, крутится, затекло все, склоняет на всех ему известных непереводимых диалектах организаторов шоу вообще и конкретных ублюдков в синих рубашках, которые засунули его в ящик, соблазнив ящиком водки, в частности. Как можно его не увидеть?! Вон же он, четвертый в правом ряду!

Мишка вздохнул.

– Я вам мешаю? – поинтересовался ведущий.

– Нет, нисколько.

– У вас есть какие-нибудь мысли?

Миша улыбнулся. «Мысли, конечно, есть, но тебе их лучше не знать».

– Я могу дать ответ, – произнес он вслух.

У Константина расширились глаза. Судя по всему, предыдущие экстрасенсы не очень радовали результатами.

– Вы уверены?

Миша кивнул.

Константин посмотрел на секундомер.

– Две минуты двадцать секунд... Что ж, не смею возражать. Покажите нам, в каком из ящиков, по вашему мнению, прячется наш бедолага.

– Извольте.

Михаил сразу направился к ящику, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его решительности. Он остановился в шаге от него. Это действительно был невысокий деревянный шкафчик, напоминающий комод, только без ящиков. Подобный шкафчик вполне мог стоять в комнате его прабабушки-колдуньи, от которой он и унаследовал свой дар, – шкафчик древний, загадочный и мрачный. Миша закрыл глаза, коснулся пальцами левого виска... Да, вот он и лежит, наш маленький друг. Кажется, он вспотел и пытит и мечтает выбраться наружу.

Пора его спасать.

– Вот этот ящик.

Константин для приличия удивленно вскинул брови.

– Именно этот? – переспросил он.

Миша кивнул.

– И других вариантов у вас не будет?

Миша вздохнул:

– Ну, вроде это не «Поле чудес». Открывайте, и я уже пойду.

Константин пожал плечами:

– Ну что ж... давайте откроем.

Ведущий кивнул двум дюжим молодцам в синих рубашках, и через несколько мгновений Миша получил возможность убедиться в точности своих выводов, а заодно и покуражиться над ведущим Константином. Второе принесло ему гораздо больше удовольствия.

– Феноменально! – сказал Константин и начал аплодировать. Вслед за ним захлопали все остальные члены съемочной группы, тусовавшиеся на площадке.

Кряхтя и расправляя помятые члены, под свет прожекторов выбрался карлик. Фактура мало отличалась от подростковой, но в складках и морщинах угадывался сорокалетний мужик.

Пот ручьем катился по его лбу, ежик волос стоял торчком, но мужчинка этого, кажется, даже не замечал. Он был так счастлив от того, что его наконец вытащили, что готов был расцеловать экстрасенса. Миша даже немного опешил.

– Поздравляю вас, Михаил! – продолжал аплодировать ведущий. – Это феноменальный результат. На моей памяти никто так быстро не справлялся с этим заданием. Вы поисковик?

Миша молча покачал головой. «Какой, на фиг, поисковик? Вы меня еще с собакой сравните...»

Константин понял, что ничего путного от парня не добьется. Он произнес еще несколько ничего не значащих протокольных слов, поулыбался камере и пригласил Мишу пройти в дверь, находящуюся в противоположном конце зала. Миша вздохнул с облегчением.

Он шел мимо двух рядов шкафов и ящиков. В голове пульсировали неприятные мысли. Вот с этим ему придется иметь дело еще около полутора месяцев, если, конечно, его не выбросят из шоу раньше суперфинала (впрочем, он был уверен, что его никто никуда не выбросит – дудки!). Вот эдакой ерундой ему и придется заниматься. Камеры, улыбочки, «встаньте так, встаньте эдак, поверните голову вот туда...». Интересно, они хоть какие-нибудь гонорары собираются платить? А то торчи тут, понимаешь, от заката до рассвета...

В ушах почему-то появился легкий гул, словно от работающего трансформатора. Михаил остановился.

Он дошел уже до конца рядов. На краю стояли два обычных городских мусорных контейнера, и от одного из них явно тянуло какой-то сыростью и гнилью. Причем Миша чувствовал это не носом, ибо это был явно не запах...

Он оглянулся назад. Операторы отдыхали, Константин болтал с ассистентом режиссера, а сорокалетний карлик, выбравшийся из ящика, нервно курил папироску в сторонке. Они готовились встречать следующего участника.

Миша подошел к мусорному контейнеру с метр высотой, что стоял справа. Бак тщательно отмыли и почистили – это было видно невооруженным глазом, – но от гадкого духа этот предмет избавить уже совершенно невозможно. Он все равно будет смердеть, даже если его помыть с шампунем, как следует обдать паром и проветрить на морском бризе. Дело в том, что в этом баке как будто кто-то умер...

Миша коснулся рукой края крышки, немного погладил. Пальцы словно кольнуло холодными иглами. Он отдернул руку.

Да, точно: умер человек, причем совсем недавно, дух еще свежий. Женщина лет двадцати пяти – тридцати, красивая. Была чем-то подавлена... или напугана, черт его разберет... Сердце отказало, кажется, во всяком случае, в груди у нее словно ядерный заряд взорвался... Миша напрягся, закрыл глаза, вновь погладил ребро ящика.

Черт, странно все это. При чем тут ящик? Почему она в мусорном баке, если у нее отказало сердце? И выглядела она вполне прилично для бомжа или алкоголички, коих иногда действительно можно встретить и в заброшенных коллекторах, и в мусорных баках, и черт знает где еще... Но эдакая милашка?

Миша закрыл глаза, втянул носом воздух, свободной рукой коснулся виска и начал свои привычные круговые движения. Он понимал, что, возможно, занимается полнейшей ерундой, но его никак не отпускал этот «запах». Свежая смерть – так он его мысленно называл. Это не запах крови и не импульсы угасающего сознания – это запах страха. Девушка очень сильно чего-то испугалась сегодня утром, а потом умерла...

Стоп, сегодня утром? Уверен?

Миша открыл глаза, оглянулся. Кажется, его задержкой на съемочной площадке заинтересовались. Ведущий Константин, сунув руки в карманы своего стильного плаща, смотрел на него вопросительно, операторы почему-то нацелили камеры, ассистент режиссера, молодой человек в униформе телекомпании, направился к нему.

– Что-то случилось? – крикнул он на ходу.

Миша не ответил. Он вновь закрыл глаза. Блин, что-то не так с этим ящиком, какая-то мерзость от него тянется. Вот ко всем остальным ящикам в этом ангаре никаких вопросов, а тут...

Погоди, а в ящике ли дело?

– Михаил! – повторил свое обращение ассистент. – Что-то случилось? С вами все в порядке? Может, врача?..

Миша прервал его движением руки. Он уже почти нащупал нить, и этот мальчик в синей рубашечке его серьезно отвлекал.

Ага, вот в чем дело...

Михаил отошел от контейнера – сделал от него два шага влево, в середину прохода между рядами ящиков. Черт, как он мог так облажаться!

«Запах» тянулся из подсобных помещений ангара, а вовсе не из мусорного контейнера! Ручеек неведомого человеческого страха – животного ужаса даже! – огибал ящики, расплзался по цеху, как ядовитый газ, и только Михаил, кажется, мог предвидеть, чем все это может закончиться. Во всяком случае, никто из предыдущих экстрасенсов не обратил на него внимания.

Наконец подошел ассистент режиссера.

– Что-то не так?

Михаил, не поворачиваясь к нему, кивнул.

– Что именно?

Михаил указал рукой на дверь в углу ангара. Ее не было видно из центра зала из-за ящиков и прочего телевизионного оборудования, но стоило сделать несколько лишних шагов – и здесь эта дверь просто «вопила»! Почему никто из этих шаманов ничего не почувствовал?!

– Что находится за этой дверью? – спросил Миша.

Ассистент пожал плечами:

– Ну, там подсобка, коридоры какие-то, я туда не заходил.

Михаил снова кивнул – дескать, я так и думал. Он повернулся к парню:

– Позовите охрану... Есть у вас охрана или кто-нибудь в этом роде?

Парнишка развел руками. В это время у него зашипела висевшая на шее маленькая переносная рация.

– Синица, что там за самобичевания на заднем плане?! Алле, прием, слышишь меня?

Парнишка взял рацию.

– Да, Марин, слышу. У нас тут... – Он вопросительно посмотрел на Михаила. Тот кивнул. – Мариш, у нас тут проблемы. Вышли кого-нибудь из охраны.

– Чего?! У нас следующий участник на старте, что стряслось опять?

– Не знаю, но нужны люди... Тут вот Михаил...

– Да я вижу, что там Михаил! Дай ему трубу!

Синица снял с шеи матюгальник и передал его Мишке. Тот не стал делать длинные предисловия.

– Скажите, Марина, кто-нибудь из вашего персонала посещал подсобные помещения в этом цехе?

Садовская помолчала, потом фыркнула:

– Я лично там не бывала. А что?

Михаил выдержал театральную паузу. Что ж, вы решили устроить тут шоу, будет вам все в соответствии с законами жанра.

– Миша, я вас не слышу!

И он ответил. Медленно и отчетливо, чтобы все слышали:

– В подсобных помещениях – труп. И он еще теплый.

10. К черту сантименты!

Следов насильственной смерти на теле Ирины Королевой не обнаружили. Михаил был прав: молодая женщина умерла от сердечного приступа, или, как говорят в таких случаях, «скончалась от разрыва сердца». Чего она могла так сильно испугаться здесь, в этом заброшенном коридоре, в перерыве между выполнением своих обычных обязанностей, никто сказать, разумеется, не мог. И лишь Михаил Поречников немного пролил свет на это темное дело.

– Она была сильно взволнована с самого начала, – сказал он оперативникам, обследовавшим коридор. – Я это увидел сразу.

Мариша Садовская в стороне нервно курила свои противные ментоловые сигареты. Весь коридор провонял дымом. Услышав последнее заявление экстрасенса, она стала прислушиваться.

– Что именно вы увидели? – спросил оперативник.

– Ну, как вам сказать... – Мишка начал колебаться.

Менты, конечно, понимали, что находятся на съемочной площадке популярного шоу, но готовы ли они стать его участниками? Как им объяснить, что именно он увидел и почувствовал в тот момент, когда Ирина Королева появилась на сцене? Мент, задававший вопросы, молодой белобрысый парень в кожаной куртке и джинсах, судя по выражению лица и по некоторым внутренним предпосылкам, был начисто лишен фантазии и вряд ли мог стать зрителем подобного телешоу. Вот бы сюда капитана Баранова с его святой верой в амулет с «водопроводной водой из Иерусалима»!..

– Я некоторым образом психолог, – выкрутился Мишка, – и могу видеть издалека. У нее был учащенный пульс, вспотели подмышки и ступни. Дрожали пальцы, срывался голос, и она постоянно куда-то оглядывалась. Ну, что еще...

– Достаточно, – сказал оперативник. Он, пожалуй, был удивлен, но не более того. – Зрение у вас прекрасное, молодой человек. Что-то конкретное можете сказать?

Михаил обиделся. Что ж, ребята, коли такая информация вас не впечатляет...

– Если вы дадите мне осмотреть труп, я скажу больше, – сказал он.

Оперативник опустил папку с бумагой, в которую заносил показания, скрестил руки.

– Так, еще раз, только медленнее.

– Я прошу вас предоставить мне возможность осмотреть труп. Я могу помочь.

Оперативник вздохнул, но ничего не сказал. Маришка Садовская затушила недокуренную сигарету в обрубке трубы, торчащем из стены, и поспешила на помощь.

– Можете ему поверить, старлей, это наш контингент, поисковик. Он полчаса назад нашел карлика в ящике... Вы вообще смотрите наше шоу?

– Жена смотрит.

– Ну вот, позвоните жене и спросите...

– Не надо.

Без лишних слов старший лейтенант пригласил Мишку за собой.

«Блин, куда я иду?» – подумал Михаил. Он только сейчас понял, что впервые в своей экстрасенсорной практике будет осматривать настоящий свежий труп. С давно умершими людьми, слетевшими с катушек, безумными или добрыми призраками он уже сталкивался, но над «парным мясом» еще не колдовал. Очевидно, сказала сегодняшняя эйфория, в которой так или иначе пребывали все, кто добился хоть сколько-нибудь заметных успехов на шоу. Вот что делает с человеком свет телевизионных юпитеров и команда «Пишем!».

Ирина Королева лежала у стены прямо под плакатом советских времен о вреде тотального воровства. Вернее, изначально сидела, но в роковую минуту сползла вниз, упершись локтем в пол. Это была поза телезрителя, прилегшего на диван для просмотра любимого сериала.

– Господи, – не удержался Михаил. Его сердце тоже готово было выпрыгнуть из груди.

Глаза женщины с лопнувшими капиллярами были открыты, полный ужаса взгляд был направлен в противоположную стену. Губы цвета протухшей в отключенном холодильнике курицы были чуть-чуть приоткрыты, обнажая аккуратные зубки. Черт возьми, еще вчера эта женщина была полна жизни и здоровья и даже готовилась к чему-то грандиозному...

Михаил опустил голову и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы остановить слезы. Он не ожидал, что будет так скверно.

Справа неслышно подошла Садовская.

– Найдете эту сволочь, и я сделаю вас победителем шоу.

– Что?!

Маришка посмотрела на него. Похоже, она тоже успела всплакнуть. От железной леди, какой она предстала на ознакомительной встрече, мало что осталось.

– Я говорю, найдите эту сволочь... Если тут кто-нибудь замешан, конечно... Забудьте, что я говорила про шоу...

Михаил кивнул: вот так-то лучше, дорогой продюсер.

– Я могу подойти ближе? – спросил он у ментов, которые в большом количестве сновали по коридору. Получив молчаливое одобрение, он сделал шаг вперед, присел на корточки перед телом. Вытянул руки ладонями вверх, начал играть пальцами. Закрыв глаза.

Менты притихли. Даже скептически настроенный старший лейтенант в кожанке решил отложить телефонный звонок и остановился неподалеку с зажатой в руке телефонной трубкой.

Михаил сидел около минуты, прислушиваясь к своим ощущениям. Поразительным открытием для него стало то, что он все еще чувствует Ирину как живого человека! Он даже открыл глаза, посмотрел в ее лицо, потом обернулся к ментам.

– Она точно мертва?

– Мертвее не бывает, – фыркнул старлей.

Михаил скроил гримасу и отвернулся. «Конечно, работа у тебя, офицер, способствует развитию цинизма, но не до такой же степени!»

Он вернулся к своему занятию... Ирина действительно еще пульсировала в этом теле, будто пыталась вернуться назад, но это было уже не в ее власти. «Оставь, уходи, – послал ей импульс Миша, – все кончено. Мне очень жаль...»

Ее ресницы дрогнули.

Миша едва не отпрянул с воплем.

– Что-то не так? – заинтересовался старлей.

– Нет, все в порядке... – Миша сделал глубокий вдох, задержал воздух и выдохнул. Все, давай дело говори, хватит соплей.

– Так, запоминайте или записывайте за мной. – Он закрыл глаза и принялся натирать левый висок. – Он пришел справа... Вон оттуда... Она увидела его издалека...

Старший лейтенант действительно принялся записывать.

– Он? – спросила Садовская. – Это был мужчина?

Михаил покачал головой.

– Не знаю... Я вижу пока только размытый силуэт, поэтому и говорю «он». Точнее сказать не могу... Так, он идет медленно... Она его не может разглядеть отчетливо, так же как и я, но боится... Очень сильно боится... Черт, так можно бояться только смерти, когда ты точно знаешь, что тебе конец... Не иначе...

Старлей хмыкнул. Михаил не мог оставить это без ответа. Он на секунду прервался, повернулся к нему:

– Слушайте, вам когда-нибудь приставляли пистолет ко лбу?

Мент ничего не ответил, но заметно смутился.

– Вижу, что нет. Тогда помолчите и дайте мне закончить, а потом будете оставлять комментарии.

Маришка Садовская мысленно поаплодировала.

Михаил между тем заканчивал:

– Словом, она умерла до того, как к ней подошел этот человек. Он ее не трогал, но смертельно напугал... Кто-то еще заходил в этот коридор?

– Лешка Кузьмичев, наш звуковик, – пояснила Садовская. – Его уже допросили.

– Что он сказал?

– Ничего особенного, – подключился лейтенант. – Вышел покурить, ничего такого не видел и не слышал.

– Так и сказал? – удивилась Марина.

– Да. А что такого?

Вместо нее ответил Михаил, уже поднявшийся на ноги.

– Он не курит. Я угадал?

Марина кивнула. Кажется, она подустала. До нее дошло наконец, что именно произошло у нее под носом, на съемочной площадке ее любимого реалити-шоу, и открытие это не доставило ей большого удовольствия.

– Да... Он не курит. И не пьет, и матом не ругается.

– Тогда что он мог здесь делать?

Она пожала плечами.

– Лейтенант, вам не помешает допросить его еще раз.

– Разумеется... В общем, что вы можете сказать насчет ее смерти?

Михаил бросил еще один взгляд на тело. «Прощай, мне жаль».

– Ее точно не убивали... Во всяком случае, я не вижу ни малейших признаков физического контакта с ней, который повлек бы смерть. Вот не могу сказать, можно ли считать убийством удачную попытку напугать до смерти. Есть в Уголовном кодексе такие статьи?

– В нашем Уголовном кодексе найдется все, – улыбнулся оперативник. – Ладно, спасибо за помощь.

– На здоровье.

Старший лейтенант начал отдавать своим парням новые распоряжения, а Михаил и Маришка вышли из коридора.

Съемочная площадка уже не выглядела рабочей. Тут и там сновали какие-то взволнованные люди, что-то делали, суетились. У Михаила возникли ассоциации с антрактом в цирке, когда униформисты готовят манеж к выходу хищников.

– Что теперь будете делать? – спросил он.

Марина закурила новую сигарету, с мрачным удовольствием затянулась.

– Сами как думаете?

– Я-то думаю, что надо прекратить съемки и, может быть, даже свернуть шоу. Но что-то мне подсказывает, что вы поступите иначе.

Марина выпустила струю дыма и кивнула.

– Ваше «что-то» правильно подсказывает. В программу вбухана чертова уйма денег, задействованы сотни людей, первый эфир уже через неделю... Можете меня распрячь, но матч состоится в любую погоду... И к черту сантименты!

Миша улыбнулся, и улыбка получилась снисходительной.

– Прямо уж к черту? Хотите знать мое мнение, Марина?

– Ну?

– Вы на самом деле не такая уж черствая и циничная дама. Не скрою, этот образ вам вполне идет как продюсеру и вообще как успешной молодой женщине, но под вашей толстой кожей скрывается...

– Так, стоп! – остановила его Маришка, бросая на пол недокурную сигарету (она их теперь так и курила – по чуть-чуть, сразу вышвыривая окурки подальше). – Если мне понадобится психоаналитик, я вас позову, а сейчас меня волнуют более приземленные вещи.

– Например?

– Леша Кузьмичев. После допроса он отпросился домой, сказал, что плохо себя чувствует.

– Не исключено.

Они постояли, помолчали немного. Затем Маришка повернулась к молодому человеку:

– Миш... Кхм... ничего, что так? Не слишком фамильярно?

– Конечно. Можно и на ты, если хотите.

– Нет, с этим пока повременим.

– Извольте. Я вас слушаю.

Она колебалась. Пожалуй, в эту минуту ее толстая продюсерская кожа ненадолго была сброшена, как шкура змеи.

– Миш, не уходите из шоу.

Он не ответил.

– Вы ведь скептически ко всему этому относитесь, верно?

Он кивнул.

– Тем не менее я прошу вас задержаться. У меня такое ощущение, что с нами кто-то решил поиграть.

Михаил удивленно вскинул брови.

– Да-да, не удивляйтесь. Я пока ничего не могу сказать наверняка, но у меня плохие предчувствия...

– ...и, судя по вашему нынешнему статусу, предчувствия вас редко обманывают.

– Совершенно верно, почти никогда. Так вы обещаете мне?

Миша сунул руки в карманы, качнулся на каблуках. Униформисты по-прежнему сновали по ангару, ассистенты режиссера все так же кричали что-то в свои миниатюрные рации.

Да, матч состоится в любую погоду, и к черту сантименты!

– Что могут обещать люди, Марина? – вздохнул экстрасенс. – Но я попробую.

11. Вечер Трудного Дня

Звукорежиссера проекта «Ясновидящий» Алексея Кузьмичева вырвало прямо в автобусе, как какого-нибудь перепившегося подростка. Ему было очень стыдно, тем более что ничего крепче кефира уже больше месяца он в рот не брал, потому что они с женой решили зачать ребеночка. Супруга по этому случаю обошла всех врачей, вместе они прошли несколько оздоровительных процедур, включая серию болезненных уколов в задницу. Словом, все было очень даже неплохо, и вдруг – фу, у приличных людей на глазах.

Позже он понял достаточно отчетливо, что именно с ним произошло, но в тот злополучный миг, когда немногочисленные пассажиры новенького южнокорейского «Хендая», плохо скрывая отвращение, наблюдали винегретный фонтан на ступеньках перед дверью, у него было несколько версий. Ну, во-первых, конечно, жара – и на улице, и в съемочном павильоне, – от которой в эти августовские дни деваться было просто некуда. Во-вторых, Мэрилин Мэнсон в наушниках: в прежние времена Лешка Кузьмичев получал от этого коммерчески успешного исчадия ада удовольствие, почти сравнимое с сексуальным, но сегодня одна из любимых его вещей – Valentine's Day – сработала как стакан пересоленной воды и два пальца в рот. Ну и в-третьих, салон автобуса, впитавший пассажирский пот.

Да вообще-то, честно говоря, непонятно, что за хрень!

Согнувшись пополам перед ступеньками задней двери, он с ужасом разглядывал результаты своего приступа. Да, теперь уже вряд ли кто-то рискнет подниматься в салон по этим ступенькам. Пассажиры в машине притихли. Лешка настороженно прислушался к своим ощущениям – рванет еще раз или это уже все? – потом осторожно поднял голову. Невольные зрители стали быстро отворачиваться. Черт побери...

Краска стыда стала обильно заливать его лицо и шею.

– Простите, – ни к селу ни к городу выдавил он, хотя к тому моменту на него уже никто не смотрел. Он молил, чтобы быстрее случилась остановка. Дурацкий день какой-то сегодня... Как и предыдущая ночь.

Ночью он долго не мог уснуть. Примерно в полночь они с молодой красавицей женой закончили любить друг друга, оба в одинаковой степени блаженства упали на подушки (впрочем, насчет степени блаженства жены Лешка всегда немного сомневался), очень скоро заснули... И тут он почувствовал тяжесть в груди, словно кто-то навалился сверху, не давая вздохнуть. На сердце Алексей Кузьмичев никогда не жаловался, потому что всю жизнь и питался правильно, и спортом занимался, и не пил, и не курил. Поэтому парень был сильно удивлен. Пару раз его придавило как следует, потом отпустило, но ощущения свои он запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.